

АЛЕКСАНДРА БЕРГ

ПЕЧУЖНАЯ
РЕЦЕПТ ДЛЯ
ДРАКОНА

Александра Берг

Ненужная. Рецепт для Дракона

«Автор»

2026

Берг А.

Ненужная. Рецепт для Дракона / А. Берг — «Автор», 2026

Я ждала возвращение мужа с тихим благоговением, так, как положено примерной жене. Но в тот день, когда карета супруга въехала во двор нашего дома, я увидела рядом с ним другую — юную красавицу с фарфоровой кожей и серебристым смехом. Девушку, которую он привёз, чтобы заменить меня...

© Берг А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	38
Глава 11	43
Глава 12	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александра Берг

Ненужная. Рецепт для Дракона

Глава 1

Сегодня Корин возвращается домой!

После трёх мучительно долгих месяцев разлуки он наконец-то вернётся в наше гнёздышко. В мои объятия.

Простыня под рукой показалась непривычно холодной, а пространство рядом – пустым. Эта кровать... она такая невыносимо огромная для одной.

“Чтобы было где развернуться” – проносится шепот в моей голове. Горячий поцелуй на шее...

Как же я скучала по его прикосновениям. Потому, как сильные мужские руки обвивают талию. По тому, как пальцы нежно перебирают волосы, когда мы лежим в предрассветной тишине.

Закрыв глаза, представила, как Корин войдёт в эту комнату вечером. Как улыбнётся. Как склонится для поцелуя, и его губы, мягкие и настойчивые одновременно, найдут мои...

Я почти физически почувствовала его прикосновения: к шее, плечам...

Тело пронзило волной жара. От этого ожога пришлось подняться.

Подойдя к окну, я распахнула его настежь. В лицо ударил свежий ветерок, несущий пьянящий аромат моего сада. За ним простирались крыши Северного квартала, а дальше – синяя лента реки и безбрежная зелень холмов, теряющихся у самого горизонта.

Внезапно мои грёзы разорвал крик, донёсшийся с первого этажа.

– Хозяин едет!

Как? Уже?

Корин написал в письме, что приедет только к вечеру.

Наверняка захотел сделать сюрприз!

Мой взгляд метнулся к большому овальному зеркалу. В отражении я увидела растрёпанные после сна волосы, румянец на щеках и блеск в глазах: предвкушение встречи уже преобразило меня. Но этого было недостаточно. Не для такого особенного дня.

Недолго думая, я решительно стянула через голову тонкую ночную сорочку, позволив ей упасть к моим ногам невесомым облаком. Повернувшись к гардеробу, достала шёлковое платье-халат цвета морской волны – точь-в-точь как глаза Корины.

Я накинула платье прямо на обнажённое тело!

Плотно затянув пояс на талии, вновь замерла перед зеркалом. Солнце, щедро заливавшее комнату, превращало тонкий шёлк в сияющую дымку, едва скрывающую очертания тела. Прохладная ткань скользила по коже, как струйки родниковой воды, пробуждая мурашки и сладкую дрожь вдоль позвоночника.

Ему понравится! Корин всегда любил такие маленькие шалости.

Я представила его взгляд, когда он поймёт, что под платьем ничего нет. Как его глаза потемнеют от желания, как он притянет меня к себе и прошепчет на ухо, как сильно скучал.

В это самое время снизу вновь донеслись приглушённые, но явно взволнованные голоса слуг.

Быстрыми движениями я провела гребнем по волосам, позволив им тёмным водопадом рассыпаться по плечам и спине, после чего сбрызнула запястья и ложбинку у ключицы каплями любимых духов – терпких, с нотой спелого персика.

Последний взгляд в зеркало и... я была готова встретить мужа так, чтобы он забыл обо всех трёх месяцах разлуки в одно мгновение.

На первом этаже царила суэта. Слуги сновали, как встревоженные муравьи. Экономка Марта, завидев меня, сделала почтительный, но поспешный реверанс.

– Доброе утро, госпожа! – её голос дрожал от волнения. – Андре уже помчался на рынок за свежими устрицами. Но мы, право, не ожидали, что хозяин вернётся столь внезапно!

– Ничего, Марта, – успокоила я её. – Полагаю, пару часов моему мужу будет не до устриц.

Я не удержалась от лёгкого смеха, заметив, как взгляд экономки мгновенно оценил откровенность моего платья.

Марта покачала седой головой, но сегодня её молчаливое неодобрение меня ничуть не смущало. Иногда замужней женщине просто необходимо позволить себе капельку легкомыслия.

– Насчёт вина, – добавила я, пока румянец заливал щёки экономки. – Попроси Йозефа спустился в погреб. Корин привёз несколько бутылок из восточных провинций во время последнего визита.

– Слушаюсь, госпожа, – Марта снова покачала головой.

Внезапно до слуха донёсся уже близкий, уверенный стук колёс по мостовой. Сердце бешено забилося, словно пойманная птица. Я бросилась к распахнутому парадному окну.

На извилистой аллее показалась знакомая карета, запряжённая парой вороных коней.

Не в силах сдержать порыв, я подхватила лёгкий подол платья и стремительно устремилась к выходу. Четыре года замужества не смогли убить во мне чувство – это сладкое волнение перед встречей. Моё сердце по-прежнему пускалось вскачь, стоило услышать звук его шагов.

Карета въехала во двор. Копыта лошадей высекали искры из мостовой, а руны на бортах экипажа вспыхивали голубоватым светом, реагируя на охранные заклинания нашего дома. С лёгким скрипом рессор и цоканьем подков экипаж замер прямо передо мной.

– Корин, – прошептала я, делая шаг вперёд.

Дверца отворилась. Кучер склонил голову, помогая моему мужу спуститься.

Корин выглядел уставшим – тени залегли под его глазами, а вокруг рта появились новые морщинки, которых я не помнила. Он поднял глаза и... Я замерла. В его взгляде не было той искры, того тепла, с которым он всегда смотрел на меня. Вместо этого – холодная учтивость, словно я была не женой, а одной из множества деловых партнёров его аптекарской сети.

– Этери, – произнёс он, и даже моё имя на его губах прозвучало неверно, как фальшивая нота, режущая слух.

Прежде чем я успела осмыслить этот холодный тон, из тёмного зева кареты показалась рука. Тонкая, изящная, в безупречной кружевной перчатке...

Солнце, яркое и безжалостное, слепило меня, и я отчаянно подумала: “Мираж... Это всего лишь игра света”. Но иллюзия длилась лишь миг.

Мой муж повернулся к карете с той галантной нежностью, которую я знала слишком хорошо.

Секунду спустя из тени экипажа появилось лицо – юное, с фарфоровой кожей и глазами цвета весеннего неба. Девушка, которой было чуть больше восемнадцати, позволила Корину помочь ей спуститься. Её платье – нежно-розовое, с кружевами и оборками – казалось слишком детским рядом тёмным строгим костюмом моего мужа.

– Доброе утро, – произнесла незнакомка голосом, похожим на серебряный колокольчик. – Вы, должно быть, Этери? Я столько о вас слышала!

Слуги вокруг нас застыли в неловком молчании. Я видела, как экономка Марта обменялась быстрым взглядом с Йозефом, своим мужем. Служанка, выносившая полотенца для омоложения рук, едва не уронила поднос...

– Этери, – Корин прочистил горло, – позволь представить тебе леди Эльмиру Дювейн. Дочь барона Дювейна из Бронзового Предела.

Я сделала механический реверанс. Тонкий шёлк моего платья, ещё минуту назад казавшийся соблазнительным и игривым, внезапно превратился в нелепую театральную декорацию. С каждым мгновением я всё острее ощущала его неуместность – эту полупрозрачную морскую волну, едва прикрывающую тело, готовое для мужа, который даже не смотрел на меня!

– Рада познакомиться, леди Эльмира. Добро пожаловать в Яснев Двор.

Корин стоял между нами, но его взгляд... то и дело возвращался к девушке, словно она была самым ценным магическим артефактом.

– Путешествие было утомительным, – произнёс Корин, наконец обратившись ко мне. – Мы бы хотели немного пройти, чтобы размять ноги.

Тут Корин сделал шаг вперёд.

Глаза... эти глаза цвета морской волны, которые я так любила, смотрели на меня с холодом.

– Ради всех богов, Ри, – процедил он сквозь зубы мне на ухо, – переоденься немедленно. Не позорь меня. Что это за представление?

Я отшатнулась. Хотела ответить, но Корин уже отвернулся галантно предлагая руку юной баронессе.

Глава 2

Я смотрела, как они уходят – мой муж и эта девушка, легко порхающая рядом, точно бабочка.

Ноги подкашивались. Мне пришлось схватиться за перила, чтобы не упасть.

Едва Корин с гостьей скрылись из виду, рванула в спальню.

Пальцы дрожали, когда я срывала с себя этот нелепый шёлковый наряд.

Резко распахнув гардероб, выхватила строгое платье из тёмно-синего бархата с высоким воротом и длинными рукавами. Я никогда не любила его – Корин говорил, что оно делает меня похожей на старую деву. Теперь это казалось идеальным выбором.

Через окно я видела, как Корин показывает Эльмире наш сад. Мой сад. Тот самый, где каждый куст был посажен моими руками. Он указывал на цветущие розы, которые я высаживала прошлой весной. Девушка смеялась, и её светлые локоны сверкали на солнце.

Не в силах смотреть на это я спустилась на кухню.

– Госпожа, – прошептала Марта, – скажите... кто эта девушка? И... она останется у нас надолго?

– Нужно приготовить рагу. Корин его любит, – проговорила я, не отвечая на вопрос, – И... – я вдруг почувствовала, как голос срывается, – пожалуйста, подай обед в большой столовой.

Марта кивнула. Я не смотрела на экономку, взгляд был прикован к кухонному окну. Корин и его знакомая вошли в дом через боковую дверь.

– А здесь, мы проводим вечера, – радостно выдал мой муж.

Платье внезапно сдавило горло. Высокий воротник, стал удавкой, когда я слышала смех. “Что за вздор?” – усмехнулась про себя. – “Напридумывал себе невесту что.”

Я глубоко вдохнула. Конечно, эта Эльмира просто девушка. Юная, красивая, но... просто девушка. А Корин – всего лишь проявляет учтивость, как и подобает мужчине его положения.

Ничего страшного не происходит. Мой муж просто был вежлив, а я повела себя как безумная, встретив его в полупрозрачном платье при постороннем человеке! Неудивительно, что он был раздражен.

Из столовой снова донесся серебристый смех, и я поморщилась, как от зубной боли.

– Госпожа, вы хорошо себя чувствуете? – участливо спросила Марта.

– Прекрасно, – ответила я, натягивая улыбку. – Просто немного устала. Не ожидала гостей.

Корин вернулся домой – вот что важно. Пусть не так, как я представляла, но он здесь. А эта девушка... она скоро уедет. Возможно, уже завтра. А мы с Корином наконец-то останемся наедине.

Ужин, как и приказано был сервирован в большой столовой, где я распорядилась зажечь все магические хрустальные светильники.

Корин сидел во главе стола – место хозяина дома. Я расположился напротив, а леди Эльмира заняла место по правую руку о моего мужа.

– Как прошла поездка в столицу? – спросила я.

– Продуктивно, – коротко ответил Корин. – Мы заключили соглашение с Королевской Гильдией Целителей. Теперь наши аптекарские лавки будут единственными поставщиками зелий для всех королевских госпиталей.

– Это замечательная новость, – я попыталась улыбнуться. – Ты так долго к этому стремился.

Корин кивнул, но его взгляд скользнул куда-то мимо меня, застыв в пространстве. Он был здесь физически, но мысли его явно витали далеко.

– А вы, леди Эльмира, – я повернулась к девушке, – тоже интересуетесь аптекарским делом?

Девушка вспыхнула очаровательным румянцем и мило улыбнулась, обнажив аккуратные жемчужные зубы и глубокие ямочки на щеках.

– О, я мало что понимаю в зельях, – произнесла она с легким смешком. – Но мой отец поставляет алхимические ингредиенты из Бронзового Предела. Так мы с Корином и познакомились.

Корином... Не с господином Лааром. Не с мистером Лааром, на худой конец. Просто Корином. Будто они старые друзья. Будто они...

Черт бы ее побрал, эту ямочку на левой щеке!

Мои пальцы сжали вилку. Холодный металл впился в ладонь. Глоток воздуха обжег горло. Все мои попытки убедить себя, что ничего страшного не происходит, рассыпались в прах.

Тут что-то не так. Корин не просто так притащил в наш дом эту девчонку! Одну! Где её компаньонка? Она ведь баронесса!

Пока я лихорадочно соображала, цепляясь за обрывки мыслей, Эльмира перевела разговор на столичные сплетни. Она щебетала о королевском дворе, о новой моде на зачарованные ткани, мерцающие при лунном свете и о последней опере, которую они с Корином посетили “совершенно случайно встретившись в театре”.

Мой муж улыбался ей – той особенной улыбкой, которую когда-то берег только для меня.

Я сидела, словно каменное изваяние, механически поднося вилку ко рту и совершенно не чувствуя вкуса еды.

– Энери, мне нужно поговорить с тобой, – произнес Корин, когда слуги убрали десертные тарелки. – Наедине. В моем кабинете.

Я кивнула, чувствуя, как каждый удар сердца отдается болью во всем теле.

– Прошу меня извинить, – произнесла я, поднимаясь из-за стола. – Леди Эльмира, Марта проводит вас в гостевые покои, где вы сможете отдохнуть.

Гостевые покои. Я всё еще цеплялась за иллюзию, что девушка просто гостья.

Корин шел впереди меня по коридору. Магические светильники зажигались и гасли, реагируя на присутствие хозяина дома.

Кабинет моего мужа остался таким же, каким был до его отъезда. Я ежедневно заходила сюда, смахивала пыль с его книг и письменных принадлежностей, меняла цветы в маленькой вазе на столе. Сейчас в ней стояли свежие эдельвейсы – редкие горные цветы, которые я вырастила с помощью магии в нашей оранжерее.

Корин не смотрел на цветы. Он прошел к окну, заложив руки за спину. Несколько бесконечных мгновений он просто смотрел в пустоту. Затем глубоко вздохнул и повернулся.

– Я не знаю, как сказать мягче, – начал мой любимый. – Поэтому скажу прямо. Наш брак был ошибкой.

Слова вонзились в солнечное сплетение. Я судорожно вцепилась в спинку кресла, лишь бы не рухнуть. Горло сжало так, что я едва выдавила хрип:

– Ч-что?

– Четыре года, Этери. Четыре года, и ни одного ребёнка.

Взгляд мужа – те самые горные озёра, сейчас были скованы вечной мерзлотой. Я не узнавала этого человека. Где тот, кто шептал о терпении?

– Но мы... мы пробовали. Лекари говорили, что нужно время, что...

– Время вышло, – отрезал Корин. – Мне нужен наследник. Моё дело растёт, империя Лаар требует продолжения рода. Я не могу больше ждать.

– И ты просто... нашёл замену?

Корин нахмурился.

– Эльмира из благородной семьи...

– Правду! – я ещё сильнее вцепилась в спинку кресла. – Говори правду!

Корин вздохнул, но его лицо оставалось поразительно спокойным.

– Правда в том, что Эльмира уже ждёт моего ребёнка.

Тишина.

Сначала я услышала бешеный стук собственного сердца в висках. Потом мир поплыл – стены кабинета закачались, знакомые книги и эдельвейсы превратились в размытые пятна.

– Значит... – я едва могла говорить. – Ты обрюхатил какую-то девчонку у меня за спиной?

– Не какую-то, а дочь барона Дювейна!

– И какое это имеет значение? Будь она хоть племянницей короля!

– Поверь, значение огромное. Если бы от меня залетела какая-то шлюха, ты бы об этом даже не узнала.

Я не верила. Не понимала. Когда Корин успел стать таким лицемерным? В своих поездках, в которых он трахал девиц лёгкого поведения? А я... я сидела дома и ждала его, как дворовая шавка!

Горло сдавил болезненный спазм. Едкая горечь подступила к самому сердцу.

– Шлюха или нет, – едва слышно произнесла я, – ты предал меня.

– Молю, Ри, не нужно этой театральщины, – презрительно скривился мой муж, которого я каким-то образом продолжала любить.

“Не нужно этой театральщины...” – слова били прямо в сердце. И злили. Люто злили!

Мне хотелось закричать так, чтобы дрогнули стены этого проклятого кабинета. Хотелось смеяться – дико, истерично – над всей этой чудовищной нелепостью. Над собой, дурёхой, что поверила в сказку.

Вот только больше всего... О боги! Больше всего мне хотелось броситься к Корину. Впитаться пальцами в его камзол. Вцепиться в руку, в эту самую руку, что когда-то так нежно касалась моего лица, и кричать: “Это шутка?! Скажи, что это чудовищная шутка! Ты просто решил меня разыграть, проверить, дойду ли я до истерики! Скажи!”

Но я молчала. Потому что мой мозг, не спросив разрешения, переключился в режим “гордого идиотизма”. Застыла. Как балда. Как мраморная глыба с вытаращенными глазами и идиотски приоткрытым ртом – идеальный памятник собственному унижению. Хуже было бы только упасть. Броситься в ноги своего мужа и умолять не бросать меня.

– Для моей империи...

Я усмехнулась.

– Да, Ри! Империи! Сейчас важно удержаться. Зацепиться за верхушку. Сделать шаг – который изменит всю жизнь. Эльмира Дювейн может помочь. А ты... – Корин обернулся, и в его взгляде мелькнуло что-то жалкое. – Ты дочь мелкого торговца травами. Какие двери ты мне откроешь?

Ублюдок! Мелкий подонок! Империя... Его драгоценная империя никогда бы не родилась, если бы не мой отец. Какая трогательная забывчивость у нашего восходящего светила!

Мелкий торговец травами... Да, мой отец был простым торговцем. Небольшой магический дар помогал ему выращивать целебные травы, которые он поставлял аптекарям и зельеварам. И только благодаря ему Корин вообще понял, что такое настоящее дело, способное приносить доход!

Мы только-только окончили академию целителей и собирались пожениться.

Я хорошо помнила тот день.

Отец сидел в своей мастерской, перебирая высушенные листья мятлика. Он подозвал Корина к себе. Я никогда не спрашивала, о чём они говорили, но думаю, отец интересовался, как Корин собирается кормить свою семью.

Результат этого разговора сейчас стоит передо мной – преуспевающий делец, готовый растоптать всё, что помогло ему подняться.

Отец научил Корина отличать качественное сырьё от мусора, показал, где искать редкие компоненты, познакомил со своими компаньонами. А я... я работала как проклятая. Ночами сидела над котлами, варила пробные партии зелий, записывала рецепты, тестировала новые формулы. Мои глаза слезились от дыма, руки покрылись ожогами от неудачных экспериментов, но я была счастлива помогать нашему общему предприятию.

Посмотрела бы я, как его юная баронесска работает, жертвуя сном и отдыхом. Боюсь, она бы сломалась. Расплавилась возле медных котлов как свечка, не оставив после себя даже огарка!

Но что у Корина не отнимешь, так это его амбиции... О, да. Теперь они буквально выжигали мне сетчатку.

Он не ждал. Он действовал. Тихо, подло, у меня за спиной.

Леди Эльмира Дювейн – это не спонтанное увлечение. Не минутная слабость. Это – расчёт. Холодный, циничный расчёт.

Бастард от шлюхи – это одно. А ребёнок от связи с дочкой барона... это уже стратегия.

Империя Лаар требовала наследника? Он его обеспечил.

Самый эффективный способ.

Без лишних сантиментов.

Без учёта того куска мяса с чувствами, что стоял перед ним сейчас, едва дыша.

Глава 3

– Думаешь, я подлец? Но разве у меня был выбор? Меня поджимают со всех сторон. Торны разместили свои алхимические лавки на севере, Саймон Хар владеет чуть ли не всеми контрактами на западе. Я сражаюсь за выживание дела! – тараторил Корин, вскинув руки в воздух. – Без связей с влиятельными домами я буду раздавлен. Ты хоть представляешь, сколько людей зависит от нас? Сколько семей кормится благодаря “Лаар”?

Каждое его слово, каждый жест, вонзались в моё сердце глубже острого шила.

– И ради этого стоило растоптать нашу семью?

– Семейю? – Корин издал короткий, горький звук, больше похожий на лай, чем на смех. – Какую семью, Ри? Мы с тобой – это не семья. Семья – это продолжение рода, это дети, наследники. А что у нас?

– Моя любовь? Преданность? Бессонные ночи над новыми рецептами, благодаря которым ты... – горло запершило, и я замолчала.

Корин смотрел сквозь меня. Будто я была не его женой, а призраком, досадной помехой на пути к величию.

Как он посмел... Посмел забыть всё, что было? Годы, когда мы вместе строили то, что он сейчас называет своей империей.

А я... я ведь сама отошла в тень. Спрятала талант, идеи, силу – ради чего? Ради того, чтобы однажды он назвал меня “дочерью мелкого торговца травами”?

Дура! Какая же я дура!

Пока я сидела дома, выслушивая рассказы о его успехах, он присматривал себе новую жену. Более выгодную. Более подходящую. С благородной кровью и связями.

Я кашлянула, резко, пытаюсь прочистить горло от комка горечи, что разъедал меня изнутри, словно крепкая кислота. Подняла взгляд. На него. Пока ещё... мужа.

– Всё это... Ничего не значит?

– Значит, – неожиданно мягко ответил Корин. – Конечно, значит. Но пойми, Этери, я должен двигаться дальше. Барон Дювейн предложил мне покровительство, доступ к королевскому двору. Его дочь... она понесла так быстро, словно сами боги нас благословили.

– Твоя драгоценная баронесска... – я выдавила усмешку, чувствуя, как горечь поднимается к горлу с новой силой. – ...не алхимик. Боюсь, единственное, что она умеет – выводить золотые вензеля на шёлковых подушках, и... у неё, судя по всему, неплохо выходит раздвигать ноги перед чужими мужьями!

– Эльмира умна, красива и молода! – высокомерно вскинул голову Корин, словно оглашая её призовые качества.

Умна. Красива. Молода. Но главное её достоинство, о котором умолчал мой муж – фамильная утроба, так любезно согласившаяся принять семя дома Лаар.

А я? Я лишь “дочь мелкого торговца”, чья работа когда-то подняла Корина из грязи. Видимо, эта грязь стала слишком заметной. Требовалось её срочное отмывание благородным гербом Дювейнов.

– Знаешь, Корин, – медленно выдохнула и почувствовала странное, почти неприличное спокойствие, – ты прав.

Муж замер, явно сбитый с толку моей внезапной переменой.

– Мы действительно не семья. И, наверное, никогда ею не были.

Я сделала шаг. Потом ещё один и ещё... пока не добралась до окна. Прижала ладони к холодному стеклу. За ним расстился сад – моё личное детище, моя гордость. Сейчас он пылал буйством красок: алые камелии смешивались с лиловым иссопом, золотистый зверобой

оттенял изумрудную мяту. Пчёлы гудели в тёплом воздухе, опьянённые ароматом лаванды. Красота, выращенная моими руками, моей любовью. Моей глупостью.

“Как же тяжело будет покинуть это место” – пронеслось в голове.

Не дом – нет. Сад. Камни, по которым я бродила босиком. Пруд, где плавали огненные карпы. Каждый лист, каждый лепесток хранил отпечаток моей души...

– Прошу после развода не устраивай истерик и провокаций! – донёсся до меня далёкий голос Корина, и мне показалось, что он... злился?

Я обернулась. Корин действительно пылал яростью. Он метался по кабинету, словно зверь, загнанный в клетку. Жилы на висках вздулись, на лбу проступила липкая испарина.

Чего он ждал от меня? Слез? Истерики? Где бы он мог сыграть роль несчастного мученика, закованного в цепи обстоятельств?

Мой муж топал ногами, говоря что-то о долге, о необходимости, о безжалостных законах бизнеса. А я? Я чувствовала, как внутри что-то окончательно ломается. Не больно. Не громко. Словно тончайшее стекло, зажатое между камнями, наконец-то превратилось в невесомую пыль. Любовь? Растворилась. Преданность? Испарилась. Даже горечь, та самая, что разъедала горло кислотой, вдруг осела на дно, превратившись в тяжёлый, но безразличный осадок.

– Не нужно так нервничать. Будто это я тебе изменила и прижила бастарда, – холод моего голоса отрезвил Корина.

Растерянно оглядевшись, муж буквально рухнул в кресло, подвернувшееся ему так удачно.

– Если ты уже всё решил, – продолжила спокойно. – То нам нужно обсудить финансовые дела.

– Какие-какие дела? – прищурился муж.

– Ты оглох? Повредился рассудком? От счастья у тебя мозги поплыли? Ну раз так, то читай, – я приложила указательный палец к губам и произнесла: – ФИ-НАНС-ОВЫЕ ДЕ-ЛА. Не думай, что я уйду просто так.

– Я и не думал... – Корин провёл ладонью по лбу, слабо улынувшись. – Вот только...

– Только что?

– Полагал, ты останешься... здесь.

Я похлопала ресницами, как кокетливая пустоголовая девчонка.

– Да, здесь, – Корин встал и направился ко мне. – Осталась в этом доме. Ты могла бы по-прежнему заниматься садом. И даже рецептами. Вспомни, как ты хотела. Но я по понятным причинам не мог тебе этого позволить. Нам нужно было поддерживать статус. Моя жена не может возиться с перегонными кубами и медными котлами, как какая-нибудь грязная травница. Ты не будешь ни в чём нуждаться. Яснев двор огромен. Я подыщу тебе уютный дом...

– Дом? Чтобы... что? Хочешь сделать из меня приживалку?

– Ты всё не так поняла. Это будет... почётное положение. Ты же знаешь, что я всегда ценил твои таланты. Теперь у тебя появится шанс раскрыть их полностью.

Сначала я думала, что это такое проявление заботы. Кривое. Косое. Неправильное, но Корин не хотел, чтобы я уходила в неизвестность. Я даже почти поверила в это, почти позволила себе надежду, что в глубине души он всё ещё...

Но когда я подняла глаза и встретила с ним взглядом, когда увидела тот особенный блеск в его зрачках – холодный, расчётливый, до боли знакомый – по спине пробежал ледяной озноб.

Не жена ему нужна, которую он когда-то любил. Даже не бывшая любовница для утех в минуты “мужского недержания”. Нет. Корину вдруг срочно понадобился талант, от которого два года назад он попросил избавиться.

Я как тот ценный зверёк, которого сажают в клетку.

Он хотел привязать меня к себе цепью долга и “благодарности”, запереть мои умения в пределах его владений, под его контролем. Чтобы я, как верный пёс, варила эликсиры для его новых связей, разрабатывала рецепты для его контрактов!

– Таланты... – я усмехнулась. – Боюсь, за то время, пока я сидела дома и ждала, все мои таланты потеряли значимость.

И я не лукавила. Те, первые рецепты, потеряли всякую ценность. Рынок не стоит на месте. Сколько потребуются времени, чтобы начать всё заново, вспомнить забытое, заставить магию снова течь по жилам в нужном направлении? Два года без практики – и пальцы забыли вес реагентов, а интуиция покрылась ржавчиной.

Я подняла руки. На них уже не было ни ожогов, ни тонких шрамов. Кожа стала слишком нежной, слишком... правильной. Лишь уродливый рубец на предплечье, который я так и не смогла свести, напоминал о том, что эликсиры от простого кашля, могут быть опасны...

Тут Корин сделал шаг вперёд и взял меня за руки. Его удушливая тень накрыла меня целиком.

– Ты преувеличиваешь, Ри. Это шанс! Шанс для тебя, – голос его звенел фальшивой теплотой. – Ты снова будешь творить.

– А что будешь делать ты?

– Как и всегда, – небрежно пожал плечами муж. – Договариваться, вести контракты, обрывать связями, – фраза оборвалась.

Внезапно пальцы Корины впились в мои запястья с маниакальной настойчивостью. Прикосновение стало пыткой – горячее, влажное, как прилипчивая слизь, прожигавшее кожу до боли.

Внутри меня поднялась волна отвращения. Близость, каждый клочок воздуха, пропитанный дыханием моего мужа – всё источало смрад предательства и ледяного, бездушного расчёта.

– Пусть твоя драгоценная баронесса составляет новые рецепты! – прошипела я, после чего рванула руки с такой силой, что ногти царапнули ладони Корины. – И больше не смей ко мне прикасаться!

Корин замер. Его лицо, мгновение назад сиявшее фальшивой теплотой, исказилось. Сначала – шок, будто его окатили ледяной водой. Потом по губам проползла тонкая, дрожащая ухмылочка. И наконец – пришло оно. То самое, что пряталось под маской благодетеля: презрительное недовольство.

– Я предлагаю тебе будущее, – выдохнул Корин. – Достойное будущее! Или ты хочешь снова стать никем? Травницей, гниющей в трущобах?

– По закону четверть, если не половина всей аптечной сети принадлежит мне!

– По закону? – Корин издал короткий, гадливый смешок. – По закону? По закону ты всего лишь женщина! Кусок мяса, с пустым чревом! И ты уже немолода, Этери. Кому нужна такая? Если только какому-нибудь никчёмному смерду. Когда он будет трахать тебя на провонявшей навозом соломе, ты попомнишь мои слова...

Звук пощёчины эхом прокатился по комнате. Корин дёрнулся в сторону от удара, а на его щеке мгновенно проступили красные отпечатки моих пальцев.

Я стояла, сжимая кулаки до хруста в суставах. Воздух вырывался из лёгких тяжёлым, гулким свистом. Слёзы жгли глаза, катились по щекам... но я глотала их, стискивая зубы. Нет. Корин не увидит, как я плачу. Никогда.

Не говоря ни слова, я вылетела из кабинета, и не оглядываясь, рванула в спальню.

Коридор казался бесконечным. Я неслась по нему, словно за мной гналась свора голодных собак. Внутри всё горело, каждый нерв пульсировал яростью такой силы, что перед глазами плясали красные пятна.

Мраморные барельефы на стенах – охотничьи сцены, которые раньше казались мне такими изысканными – теперь будто насмехались надо мной. Особенно тот, где гончие рвали загнанную лань.

Внезапно из-за поворота коридора, ведущего к западному крылу, раздался голос:

– Леди Этери!

Голос прозвучал, как колокольчик, упавший в гулкую пустоту собора. Чистый, высокий, с лёгкой трепетной ноткой.

Эльмира Дювейн. Вот именно её-то мне сейчас и не хватало!

Я замерла на полном ходу. Корпус резко рванулся вперёд, едва не выбив меня из равновесия.

Пальцы сжались. В таком состоянии, пожалуй, я способна ударить её – юную любовницу мужа, мать его бастарда. Или вlepить пощечину, как Корину. Но... Виновна ли она?

Эльмира Дювейн – создание с глазами летнего неба и кожей белее альбийского фарфора. В своём розовом платье она казалась... незапятнанной. Каплей чистой воды в грязном болоте. Кто знает, что скрывалось за её связью с Корином? Может, старый барон Дювейн решил превратить дочь в выгодный актив, подсунув девчонку перспективному дельцу?

Дочери – не сыновья. Сыновьям позволяли бунтовать, искать свой путь, пусть и с риском. Дочери же...

Эльмира застыла в нескольких шагах, у арки, ведущей в зимний сад. Вечерний свет, лившийся из высокого окна, окутывал её силуэт золотистым сиянием. Хрупкая, словно фарфоровая безделушка, готовая рассыпаться от лёгкого дуновения.

Я вздохнула. Глубоко, с надрывом. Ярость не ушла – лишь отступила, сдавшись ледяной, вымотавшей душу усталости.

Глава 4

– Баронесса, – я натянула на себя вежливую улыбку, но, видят боги, каких усилий мне это стоило.

Мою гримасу можно было назвать улыбкой лишь с большой натяжкой. Мышцы лица точно окаменели, а губы изогнулись в неестественной дуге, отчего юная аристократка невольно отпрянула, подойдя ближе.

– Вы неважно выглядите, – ойкнула Эльмира. – Вам не здороваться?

– Всё в порядке, – мне пришлось проглотить, зарыть всё то, что рвалось наружу.

“Девочка ни при чём” – билось в висках.

Виной всему Корин. И... возможно, старый барон Дюейн.

Я и сама не понимала, зачем я её оправдывала. Было бы проще, окажись она расчётливой хищницей. Тогда не пришлось бы стыдиться дикой злобы, кричавшей вырвать эти шелковые пряди с корнем.

– Уверю вас, леди Эльмира, – глотая желчь, выдавила я, – со мной всё хорошо.

– А я бы так не сказала.

Девушка вздёрнула точёный носик – всего на миг, но меня покорило от этого жеста.

– Сейчас я прикажу, чтобы вам принесли горячего бульона! И, наверное, вам лучше расположиться внизу, в гостиной. Подниматься по лестнице в вашем состоянии...

Чёрт! Если это забота, то я святая покровительница всех дураков!

Прикажет...

Прикажет? В моём собственном доме? Моим же слугам?

– Моя милая баронесса, – я кашлянула, прочищая перехваченное яростью горло. – Похоже, вы ошиблись дверью. Трон для ваших... приказов... пока ещё в восточном крыле. В гостиной! Я же сама решаю, что мне есть и где спать!

Эльмира отшатнулась. Побледнела. Но это была уже не та нежная, поэтичная бледность. Нет. Это был серый, землистый оттенок раздражения. Фарфоровая кукла вдруг показала трещину. Глаза “летнего неба” потемнели и стали похожи на мутные лужи после грозы.

– Я... я лишь хотела помочь.

– Я не нуждаюсь в вашей помощи, – отрезала я, отсекая возможность дальнейшего диалога, и резко двинулась по сумрачному коридору к лестнице.

– Не так быстро, леди Этери! – голос Эльмиры, секунду назад звеневший обидой, приобрёл металлическую резкость.

Я обернулась. Не столько по воле баронессы, сколько от внезапного шока.

– Я пыталась быть вежливой, – процедила девушка. – Но видимо, с такими, как вы, это бесполезно.

– С такими, как я?

– С деревенщиной, возмнившей себя госпожой, – Эльмира сделал один, неспешный, шаг навстречу.

Свет от высокого окна упал на её лицо, и в глазах, таких, недавно казавшихся невинными, вспыхнул ледяной, бездонный омут презрения.

– Вы даже не видите, как жалко и нелепо выглядите в этих стенах, пытаетесь играть не свою роль.

Вот он. Истинный образ. Передо мной стояла женщина, уверенная в своей победе. Хотя кого я обманываю? Эльмира Дюейн уже победила.

Безжалостная. Расчётливая. Настоящая фурия в обличье ангела. А я дура, ещё защищала её. Иллюзия. Последняя надежда на то, что хоть кто-то в этой истории не был монстром.

– Я подарю Корину наследника!

Эльмира плавно, с отвратительным торжеством положила ладони на свой пока ещё плоский живот.

– Тогда как вы, навсегда останетесь пустой скорлупой, – ядовито продолжила девушка. – Я хочу, чтобы вы покинули МОЙ дом. Иначе...

– Не переводите на меня свои дешёвые угрозы, баронесса, – выдавила я сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как к горлу подкатывает истеричный смешок. – Мой муж... – голос сорвался, но я заставила себя закончить, – выбрал поистине достойную пару!

Эльмира прищурилась, словно готовясь выпустить новую порцию яда, но я уже отвернулась. Не имело смысла продолжать этот разговор. Я увидела всё, что хотела.

Они действительно были идеальной парой – Корин и Эльмира. Двуличные, жестокие, готовые на всё ради власти и статуса. Великолепное дополнение друг друга.

И пока я шла по коридору, спиной чувствуя ледяной, торжествующий взгляд баронессы, внутри меня рождалась странная, почти неприличная радость. Радость освобождения...

Но вместе с этой радостью внутри поднималась тревога. Что. Мне. Делать?

Как бы я ни старалась сохранить достоинство, до спальни я практически добежала. Заперла дверь, точно баррикадируясь от целого мира, который внезапно обрушился на меня.

Пустота. Всепоглощающая, омерзительная пустота заполнила голову. Нужно было начать думать, планировать, действовать – но мысли расплзались, как испуганные муравьи. Ни единой идеи, ни проблеска решения.

Я медленно обвела взглядом нашу спальню. Нашу? Теперь уже только мою, да и то – ненадолго. Каждый предмет здесь кричал о присутствии Корина. Кровать, которая с утра казалась мне такой большой... Шкаф, где на правой половине висели вещи мужа – рубашки, камзолы с вышитыми монограммами... Пальцы сами потянулись к его одежде, к тонкой ткани. Дотронувшись до одной из рубашек, я вдруг с яростью схватила её и дёрнула так, что деревянные плечики с треском упали на пол, а за ними на пол упала и я.

Первый всхлип выскочил сам – неожиданный, резкий. Его сразу подхватил второй. Третий всхлип вцепился в глотку – и тело вышло из повиновения. Плечи бились мелкой дрожью, воздух резал горло, как осколки стекла, а из груди выскальзывал чужой, надтреснутый вой.

Перед Корином я держалась. Не позволила себе ни единой слезы, не дала ему насладиться моей болью. Перед этой чёртовой Эльмирой тоже не сломалась. Но сейчас, оставшись наедине с собой, я, наконец, отпустила все то, что так упорно сдерживала.

Слёзы кончились быстро. Но до самого захода солнца, я сидела на полу, с бессмысленно сжатой в руке рубашкой Корина и остекленевшим взглядом, утонувшим в пустоте. За эти долгие часы в дверь стучали. Не раз и не два. Может, Марта беспокоилась, может служанка... или даже сам Корин вернулся? Не знаю. И не узнаю никогда. Я не встала. Не повернула головы. Мир вокруг рассыпался, как разбитое вдребезги стекло – острое, бесполезное, мёртвое.

Пришла в себя только тогда, когда первые звёзды заглянули в окно.

Нельзя. Нельзя так простит сидеть здесь.

Я должна быть благодарна, что настоящая личина Корина вскрылась сейчас, а не через годы, когда я окончательно превратилась бы в тень самой себя. В послушную куклу, которую он поставил бы в угол, когда появилась новая, блестящая игрушка.

Я должна уехать. Сегодня же. Сейчас.

Каждое движение отдавалось болью в затёкшем теле, но я заставила себя подняться. Ноги, точно деревянные, едва держали. Голова кружилась. Но я медленно, как раненое животное, поплелась к шкафу.

Саквояж нашёлся на верхней полке. Тот самый, с которым я когда-то приехала в этот дом, полная надежд и мечтаний. Глупая, наивная девчонка. Я стряхнула с него пыль и принялась собирать вещи.

Только самое необходимое. Бельё. Тёплая накидка. Удобные туфли. Флакончик с настойкой от головной боли – моя собственная разработка. Несколько блокнотов с формулами... Они были устаревшими. Я провела пальцами по пожелтевшим страницам, испещрённым моим убористым почерком. Рецепты, над которыми я корпела ночами, формулы, которые когда-то казались мне прорывом в алхимии.

Горькая усмешка тронула губы. Кому они сейчас нужны? За последние годы наука шагнула далеко вперёд. На рынке появились составы в десятки раз эффективнее моих примитивных смесей. Стабилизаторы, которые я изобрела для своих настоек, теперь использовал каждый подмастерье. А мой метод экстракции эссенций, которым я так гордилась, был усовершенствован королевскими алхимиками ещё два года назад.

Сначала я хотела оставить их, но что-то заставило прижать блокноты к груди. Эти формулы были частью меня, моего прошлого, моей истории. Пусть несовершенные, пусть примитивные по нынешним меркам – но они принадлежали мне. Не Корину, не его новой семье. Только мне.

Подойдя к туалетному столику, открыла шкатулку с украшениями... Большинство из них подарил Корин. Гордость вопила, требовала бросить всё это. Оставить ему. Пусть подавится! Но я затолкала гордость в одно место.

– Голой гордостью сыт не будешь, – пробормотала я, запихивая в саквояж серебряные серьги с аметистами, жемчужное ожерелье и пригоршню золотых колец.

Это не подарки. Это плата за украденные годы жизни. За унижение. За обман.

Глава 5

Обошла комнату по второму кругу. Здесь больше не было ничего ценного, кроме... Кроме небольшого тайника под половицей.

Сама не знаю, что толкнуло меня создать этот секретный уголок полгода назад. Было ли это предчувствие, шестое чувство, или просто женская интуиция, нащёптывающая мне о неизбежных переменах?

“На чёрный день” – так я оправдывалась перед собой, когда клала сюда деньги.

Мелочь – монетки случайно оставшаяся после покупки ткани, несколько медяков, сэконоmlенных благодаря моему умению торговаться с упрямым мясником или словоохотливой зеленщицей...

Я усмехнулась. А ведь мне было стыдно. Стыдно за то, что скрывала от Корина свой маленький тайничок. В те дни мне казалось, что я обкрадываю своего собственного мужа.

Дура! Аж зубы сводит.

“Все женщины должны иметь что-то своё” – шепнул мне внутренний голосок, звучащий удивительно мудро и спокойно. “Даже если муж самый лучший на свете”.

Но эта мысль не могла принадлежать мне прежней – слишком она была дерзкой, слишком независимой.

Я определённо где-то её услышала.

Может, это были слова Марты или, возможно, это обронила седовласая модистка мадам Левен, когда я заказывала у неё шляпки с атласными лентами? А может, эту мудрость я подслушала в разговоре незнакомых женщин на городской площади.

Теперь, опустившись на колени перед тайником, я понимала, что та украденная мысль стала моим спасением.

Отодвинув ковёр, поддела половицу ножом для писем. Запустила руку в тайник и достала небольшой мешочек из плотной ткани. Развязав шнурок, высыпала содержимое на ладонь – пять серебряных монет и целая горсть маленьких, медных.

Достаточно, чтобы не умереть с голоду. Но вот баронессе... Мой внутренний голос фыркнул с ледяной усмешкой. Эльвире Дювейн? Этой жалкой горсти не хватило бы и на пару часов поддержания её божественного статуса.

Итак. Я поднялась на ноги. Деньги. Украшения. Не фонтан богатства, конечно, но и не с голой задницей в мир выхожу.

Но... Но... Мысль, как шило, кольнула в висок. Были ещё основные сбережения. Золото, которое Корин хранил на счетах в банках. По закону, я могла на них претендовать. И аптекарская сеть, что простиралась от Ясеневого двора до самого Бронзового Предела.

Я бережно сложила монеты обратно в мешочек и опустила его в саквояж.

Последний взгляд на комнату. Короткий, резкий вдох, будто перед прыжком в ледяную воду и... рывок. Время жалости к себе закончилось.

Взяв саквояж, подошла к двери и замерла прислушиваясь. Тишина. Глубокая тишина большого дома. Осторожно повернула ручку и выскользнула в коридор.

Я двигалась медленно, стараясь ступать только на те половицы, которые не скрипели – за годы жизни здесь я выучила каждую.

Спускаясь по лестнице, придерживалась перил. Дом казался вымершим, будто все его обитатели исчезли, оставив меня одну блуждать среди призраков прошлого. Ни единого звука, только где-то через стену раздавался громкий храп – старый Йозеф всегда спал так, словно валил лес.

Похоже, мне удастся уйти незамеченной. Хорошо. Не хочу никого видеть. Даже Марту.

Пройдя через холл, потянула на себя тяжёлую входную дверь. С глухим скрипом она поддалась. Я буквально вынырнула на крыльцо.

Дневной зной, ещё недавно давивший свинцовой плитой, отступил. Во дворе тоже стояла тишина, но она была иной – живой, наполненной шелестом листвы в тёмном саду, треском сверчков где-то в траве и далёким, едва слышным лаем собаки. Прохлада обволакивала кожу, принося долгожданное облегчение после духоты пережитого дня и ещё более душного напряжения последних часов.

– Убегаешь?! – раздалось резко.

От неожиданности пальцы разжались, и саквояж с глухим стуком шлёпнулся на каменные плиты крыльца...

– Убегаешь! – снова проворчали возле двери.

Я тихонечко выдохнула. Марта. Это была она. Экономка, несмотря на летний вечер, куталась в выцветшую шерстяную шаль.

Годы, а их было немало, наложили на неё отпечаток: морщинки у глаз, чуть дрожащие руки и... брюзжание, свойственное людям её возраста.

Она служила экономкой ещё в доме родителей Корина, знала его мальчишкой. А когда дела у нас пошли в гору и мы, наконец, купили свой собственный дом, женщина решила переехать и начать работу у нас.

Первые месяцы я была убеждена: Марта – глаза и уши моей “любезной” свекрови. Вне всяких сомнений, Аделаида Лаар – почтенная вдова, послала служанку, чтобы та доносила каждую мелочь о невестке, что оказалась так далеко от её зоркого глаза.

Я всякий раз ловила себя на том, что напрягаюсь при каждом шаге Марты по скрипучим половицам, прислушиваюсь к её разговорам в прихожей, ищу скрытый смысл в её ворчливых замечаниях о беспорядке или недогоревшей свече.

Сейчас, вспоминая те далёкие времена, я невольно улыбаюсь.

Как же яростно мы спорили! Две упрямцы, каждая на своём посту: молодая хозяйка, отчаянно защищающая своё право, и пожилая экономка, свято блюдущая заведённые ею ещё при старых хозяевах порядки. Споры вспыхивали из-за мелочей: как хранить припасы, когда проветривать комнаты, выбивать ковры...

Я требовала перемен, Марта цеплялась за привычное. Казалось, этот тихий бытовой фронт будет вечным.

Но в один момент что-то изменилось.

Может, после того вечера, когда я слегла с лихорадкой, а Марта, отбросив ворчливость, сидела у моей постели, поправляя одеяло и подавая горячий отвар с мёдом. Или когда я заметила, как она бережно чистит и укладывает в сундук детский камзолчик Корина. В её глазах светилась такая нежность, которой не бывает у простой служанки. Наверное, именно тогда я стала видеть не надзирательницу, а преданную женщину, чья жизнь давно и прочно переплелась с судьбой семьи Лаар.

Марту подслала вовсе не свекровь. Она пришла сама. Потому что любила Корина. Испытывала слепую, безоглядную преданность. Жаль, что Корин оказался вовсе не тем “сыном”, ради которого стоило бросать обжитую, размеренную жизнь в Серебряной Долине.

– Убегаешь, – повторила она в третий раз, но теперь это было не восклицание, а сухая констатация. – И даже “до свидания” сказать не удосужилась!

Я сглотнула комок, внезапно вставший в горле.

– Из своего же дома! – голос старухи вдруг окреп. – Ночью! Как какая-то воровка!

М-да, давно я не видела её такой... раздражённой. Мы точно вернулись в прошлое, когда я была упрямой молодой девчонкой, а она вечно недовольной экономкой.

– И что прикажешь мне делать? – я усмехнулась, поднимая саквояж и отряхивая его от невидимой пыли. – Ждать, когда меня выставят за дверь?

Марта поджала тонкие губы и впиалась в меня взглядом, от которого по спине пробежал холодок. В свете фонаря, висевшего над входом, её лицо казалось вырезанным из старого пергамента – жёлтое, иссушенное годами... Но вот глаза. Глаза Марты были живыми, с той искрой, от которой, как говорят: “возгорится пламя”.

– Знаешь ведь уже, что на самом деле произошло. Думаю, весь дом догадался, что мой муж притащил свою беременную любовницу.

Марта выругалась. Витиевато, как умеют только старики.

– Хотите я её отравлю?! – неожиданно выпалила она.

Я аж воздухом чуть не поперхнулась. Точно. Передо мной стояла совершенно незнакомая женщина. Впрочем, едва ли она говорила всерьёз. Марта и мухи не обидит. Она злилась. Но злость в её случае, распростилась исключительно на молодую баронессу Дювейн. А вот Корин... Что ж, для Марты он всегда останется тем самым мальчиком, которого она когда-то нянчила на руках. Даже если этот мальчик вырос в человека, способного привести любовницу в дом, где живёт его жена.

Глава 6

– Хочешь отравить беременную девушку?

Марта скуксилась, закусив губу.

Конечно, нет! Она бы никогда так не поступила. У них с Йозефом не было детей – как и у нас с Корином. Мы обе были лишены радости материнства. И причинить зло ещё не рождённому ребёнку... Этот малыш точно ни в чём не виноват. Какими бы ни были его родители. Во всей этой скверной истории, только он чистый, невинный лучик.

– Вот то-то, – произнесла я. – А то, что не попрощалась – извини.

– Вы должны остаться, – не унималась экономка. – Это всё ещё ваш дом!

– Не могу. Уже не могу.

– И куда же вы пойдёте?

– Сначала сниму номер в гостинице. А потом... потом решу, что делать дальше.

Я физически не могла остаться. Казалось, все двери, стены, потолок – всё пропахало Эльмирой Дювейн. Она приехала только сегодня, но уже успела заполнить собой каждый уголок.

Разве теперь я могу называть этот дом своим? Юная баронесса мастерски вытеснила меня. Её имя уже висело на портъере, её тени танцевали на стенах вместо моих. Я ощущала, как этот дом, кирпич за кирпичом, переходит к ней – чужой, наглой, дышащей дорогими духами и презрением.

– Не провожай.

Я обняла Марту. Шагнула на ступеньку...

– Но... – женщина вцепилась в рукав моего лёгкого пальто, и так же резко отстранилась.

Её глаза – эти живые угольки на иссушённом лице – метнулись к дверям дома, потом обратно ко мне.

– Подождите! – бросила она уже не ворчливо, а с какой-то лихорадочной решимостью. – Не уходите!

Не дожидаясь ответа, Марта юркнула в распахнутую дверь. Её фигура в выцветшей шали растворилась в темноте прихожей. Я замерла на ступеньке, саквояж тяжёлым грузом напоминал о реальности.

Зачем? Что ещё могла сказать или сделать эта старая женщина? Упрекнуть? Умолять?

Время тянулось, наполненное шелестом листвы. Минута? Две? Мне уже хотелось повернуться и уйти, оставив этот вымерший дом, как из темноты выплыла фигура Марты. Она несла что-то большое, завернутое в грубую льняную салфетку. От этого свёртка струился пар, а воздух вдруг наполнился густым, невероятно соблазнительным ароматом – тёплого теста, жареного лука, сочного мяса и душистого перца.

Марта, запыхавшись, протянула свёрток. Он был тяжёлым, согревающим ладони даже сквозь ткань.

– Держите! – прохрипела экономка. – Сегодня пекли для слуг... Картошка с мясом.

Она толкнула пирог мне в руки почти силой.

– В гостинице-то кормить не станут по-хозяйски. А на улице... – экономка махнула рукой куда-то в сторону ночи не договорив.

– Марта... – начала я.

– Ничего не говорите! – отрезала она, и в её глазах блеснула влага.

На людях Марта никогда не была сентиментальной – разве что украдкой, когда думала, что её никто не видит, могла позволить себе эмоции. Но сейчас... Если я немедленно не уйду, то её прорвёт. Она вцепится в меня мёртвой хваткой бойцовского пса и не отпустит. Так что больше не было слов. Не было объятий.

Я сделала шаг вниз, со ступеньки крыльца на холодную плитку дорожки. Потом ещё один. Я не оглядывалась, но спиной чувствовала взгляд – острый, как шило. Аромат пирога, такой родной, смешивался с запахом сырой земли и скошенной травы. Он лез в нос, навязчивый и душераздирающий.

Держаться. Только держаться.

Дойдя до ворот, я всё же не выдержала. Обернулась.

Марта стояла на крыльце как изваяние. Высокая, прямая, несмотря на годы. Лунный свет серебрил её седые пряди, выбившиеся из старого чепца. Она не махала рукой. Она просто стояла. Сторож у опустевшей крепости. Хранительница очага, из которого вывели последний уголёк.

Когда наши взгляды встретились, я поняла, что она не только со мной прощается. А со всей своей прежней жизнью. С мальчиком Корином, которого она нянчила. С его родителями, в чьём доме служила верой и правдой. С порядком, который блюла как святую заповедь. Теперь в доме появилась чужеродная Эльмира Дювейн с баронской спесью. И Марта, со всей своей преданностью, запросто могла оказаться такой же лишней, как и я...

Корин не уволит Марту.

Даже ради своей сияющей баронессы. Даже под её натиском, под ядовитыми шёпотами о “старомодности” или “непочтительности”. Корин привязан к Марте так же крепко, как и она к нему.

Вот только... В груди кольнуло. Я ведь думала о себе точно так же.

Я – его жена, его опора, его любовь. А оказалось... Оказалось, что место жены можно занять. Как вакансию. Как смену декораций.

Выбросил старую, потускневшую, привёз блестящую и более совершенную.

Но Марта? Её место – иное. Её не заменить молодой женой с титулом. Для Корина Марта – не слуга. Она – семья. Мать в самом глубоком, не по крови, а по духу, смысле. Он не сможет... Так я думала. Наверное, чтобы успокоить себя. Жаль, что я не провидица, и не могу предсказать будущее.

Тревожные мысли теснились в голове, но ноги несли меня вперёд. Наше поместье, Яснев Двор, покоилось на тихом юге. Земли эти славились бескрайними садами и лавандовыми полями. Отсюда, прямо к королевскому столу, отправлялись особые сорта яблок, персики, а осенью – гроздья сочного красного винограда.

Мы поэтому с Корином и выбрали это место. Даже редкие лечебные травы не требовали целой армии магов для ухода – всё росло само собой. Благодаря этому наши лаборатории никогда не знали недостатка в нужных ингредиентах.

Наше поместье... Наши лаборатории...

Я упрямо цеплялась за мысль, что всё происходящее – лишь жестокая шутка, изощрённый розыгрыш, который вот-вот закончится. Мозг, точно загнанный в угол зверь, отчаянно сопротивлялся предательству. Наверное, такова наша природа – защищать себя от боли даже ценой самообмана.

Я горько усмехнулась и, резко встряхнув головой, ускорила шаг.

Городок показался через десять минут быстрого темпа, словно выплыл из-за поворота извилистой дороги. Небольшой, с узкими мощёными улочками, утопающими в изумрудной зелени, и двухэтажными домами, выкрашенными в нежные пастельные тона – от бледно-лимонного до приглушённого лавандового. Особенно выделялись терракотовые черепичные крыши.

Я бывала здесь два раза в неделю – ходила с Мартой, а порой и одна за покупками на рынок, заказывала у модистки платья и новые широкополые шляпки, чтобы уберечь лицо от яркого солнца.

Но сейчас... сейчас я смотрела на всё иными глазами – глазами человека, оставшегося без крова.

Вывеска “Серебряный Тополь” показалась спасительным маяком. Небольшая гостиница на углу рыночной площади, с бледно-голубыми ставнями и деревянным крыльцом, увитым плющом. Я знала это место – здесь останавливались приезжие торговцы и путешественники, которым не по карману были роскошные апартаменты.

Дверь скрипнула, впуская меня в полутёмную прихожую. За стойкой дремал пожилой мужчина с окладистой седой бородой. Звук колокольчика вырвал его из объятий сна.

– Доброй ночи, – пробормотал он, протирая глаза. – Чем могу служить?

– Мне нужен номер, – голос мой звучал хрипло от усталости. – На несколько дней.

Мужчина окинул меня скептическим взглядом, и я прекрасно понимала почему. Молодая женщина, появившаяся глубокой ночью, с саквояжем в руках, уставшая и растрёпанная – зрелище необычное. И пусть в королевстве положение женщины в обществе значительно расширилось за последние годы, в глухой провинции старые предрассудки умирали медленно.

– Номера есть, – перестав буравить меня взглядом, кивнул служащий.

Он достал из-под стойки потрёпанную книгу постояльцев.

– Второй этаж, с видом на площадь. Пять медяков в сутки, включая завтрак.

Я молча отсчитала монеты. Цена была справедливой, хотя ещё вчера я бы даже не задумалась о стоимости.

– Тильда! – крикнул хозяин, и из дверей, ведущих в глубину дома, показалась заспанная девушка в простом сером платье. – Проводи госпожу в седьмой номер!

Комната оказалась маленькой, но чистой. Узкая кровать с пологом из выцветшей синей ткани, комод с зеркалом, стол у окна и кресло с потёртой обивкой. После просторных покоев Ясенева Двора эта каморка казалась клеткой, но сейчас я была благодарна даже за это.

– Воду для умывания принести? – спросила служанка, стоя в дверях.

– Да, пожалуйста, – кивнула я, опускаясь в кресло. – И, если можно, свежих полотенец.

Когда дверь за Тильдой закрылась, я, наконец, позволила себе выдохнуть. Это была первая минута уединения за долгие часы. Первая возможность осознать произошедшее без чужих глаз.

Я расстегнула саквояж, достала завернутый пирог Марты и положила его на стол. Аромат всё ещё был умопомрачительным. В животе заурчало, напоминая, что с ужина у меня крошки во рту не было.

Тильда вернулась с кувшином воды и стопкой чистых полотенец. Я поблагодарила её и, когда дверь снова закрылась, принялась за пирог. Картофель с мясом, лук, специи – простая еда, но сейчас она казалась вкуснее любых изысканных блюд. Каждый кусочек напоминал о доме, о Марте, о жизни, которая осталась позади.

После еды я умылась холодной водой. Взглянув в зеркало, едва узнала себя – бледная женщина с кругами под глазами и спутанными тёмными волосами. Неужели это я?

Я расчесала волосы, заплела косу и легла на кровать. Усталость накрыла меня тяжёлым одеялом, и я провалилась в сон без сновидений.

Утро началось с перезвона храмовых колоколов. Я проснулась, не сразу поняв, где нахожусь. Солнечный луч пробивался сквозь тонкие шторы, рисуя золотистые полосы на полу. За окном гудел просыпающийся город – слышались голоса торговцев, стук колёс, детский смех.

Я умылась, переоделась в чистое платье и, собрав волосы в простой пучок, спустилась вниз. Завтрак в общей зале был скромным – свежий хлеб, сыр, яйца и травяной чай. Я ела молча, планируя свои дальнейшие действия.

Нотариус Герман Ренц – именно он занимался делами семьи. Его контора располагалась недалеко от рыночной площади, в трёхэтажном доме с зелёными ставнями. Мне нужно было попасть к нему. Я должна опередить Корина!

Глава 7

“Если он меня не опередил...” – кольнула мысль. Но сейчас я старалась о плохом не думать.

Успевший раскалиться городской воздух, ударил в нос после прохладной тиши гостиничного номера.

Контора Германа Ренца выделялась среди пастельных фасадов строгой солидностью. Дом с тёмными дубовыми дверьми и теми самыми зелёными ставнями, которые я помнила. На бронзовой табличке чётко: “Г. Ренц, Адвокат и Юридический Советник”.

Я толкнула тяжёлую дверь.

За скромным столом в приёмной сидела юная секретарша с копной рыжих кудрей, уткнувшись носом в конторскую книгу.

Мой внешний вид, очевидно, выдавал состояние полнейшего бедствия, поскольку в момент, когда секретарша подняла на меня взгляд, её глаза мгновенно расширились, точно два распахнутых окна в мир неподдельного удивления.

– Госпожа Лаар! – воскликнула она. – Вы... так рано? Господин Ренц ещё...

– Мне необходимо его видеть!

Рыжеволосая заколебалась лишь на мгновение, потом кивнула с внезапной решимостью.

– Пожалуйста, подождите здесь.

Она скрылась за дверью.

Я осталась одна в тишине приёмной. Глаза скользнули по портретам на стенах. Среди полотен я сразу узнала Его Величество, Александра V. Рядом с монархом расположились другие изображения – чопорные мужчины в напудренных париках и с печатью глубокомыслия на лицах. Судя по строгим мантиям и церемонным позам, это были выдающиеся юристы прошлого.

На маленьком столике стояла ваза с полевыми цветами – скромные ромашки и васильки...

Дверь кабинета внезапно открылась, и на пороге появился Герман Ренц.

Он выглядел именно таким, каким я его запомнила, но... старше. Серебро в аккуратно подстриженных тёмных волосах у висков стало заметнее, глубокие морщины у глаз говорили не только о возрасте, но и о привычке вглядываться в суть вещей. На нём был тёмно-синий сюртук, безупречно выглаженный, но без вычурности.

– Госпожа Лаар, – поклонился мужчина. – Не ожидал вас увидеть. Тем более в столь ранний час, – он повернул голову к окну и невольно сощурился, когда золотистые утренние лучи упали на его лицо, высветив глубокую сеточку морщин у глаз.

– Простите, за столь неожиданный визит, но это срочно!

Герман помедлил секунду-две, затем глубоко вздохнул.

– Прощу, – произнёс он и отступил, чтобы пропустить меня в кабинет.

Кабинет был просторным. Книги от пола до потолка, массивный письменный стол, заваленный бумагами, кожаные кресла. Атмосфера здесь разительно отличалась от приёмной – вместо нежного аромата свежесрезанных цветов воздух был насыщен терпким запахом свежесваренного кофе, дублённого дерева и чернил.

– Итак, я вас слушаю, госпожа Лаар, – чинно произнёс Герман Ренц.

Я опустилась в кожаное кресло напротив его стола. Мягкая обивка, казалось, втягивала меня в себя, но комфорта это не приносило – только усиливало ощущение ловушки. Неожиданно я поняла, что не могу произнести ни слова. Мысли, которые ещё пять минут назад казались такими чёткими и ясными, теперь разбегались, как испуганные мыши. Я открыла рот и снова закрыла его, ощущая, как краска приливает к щекам.

– Госпожа Лаар, вы сказали, что дело срочное.

Ренц с некоторым нетерпением посмотрел на часы.

“Разумеется, у него полно других забот, – пронеслось у меня в голове. – Куда более важных, чем выслушивать жалобы брошенной жены своего клиента”.

Эта мысль, точно отравленная шпилька, вонзилась в самолюбие. Я резко выпрямилась и глубоко втянула носом воздух, будто вбирая в себя не только кислород, но и храбрость.

Кабинет на мгновение поплыл, но я заставила себя смотреть прямо в глаза Ренца.

– Я хочу подать прошение на развод! – выпалила, с силой выдавив слова.

– Развод? – с какой-то осторожностью переспросил Герман Ренц.

– Да, – уверенно кивнула. – Поэтому мне бы хотелось узнать, на что я могу надеяться при разделе имущества. У нас есть дом, широкая сеть аптекарских лавок, лаборатории... м-м-м... сбе... режения, – я часто заморгала, так как мне совершенно не понравилось выражение лица Ренца.

Герман медленно поднялся из-за стола. Его движения, обычно такие точные и сдержанные, вдруг стали резкими, порывистыми.

Я следила за ним, чувствуя, как ком в горле сжимается всё туже. Его профиль на фоне солнечного света казался острым, как лезвие.

– Что-то не так? – спросила я, почти шёпотом, когда он отвернулся к окну. – Новый закон...

– Закон, да, – Ренц резко обернулся.

Его взгляд метнулся ко мне, затем упал на ковёр с вытканым гербом, потом снова ускользнул в окно, где золотистая пыль танцевала в лучах.

– Но законы, госпожа Лаар... они не всегда успевают за людьми.

Он вдруг шагнул к тяжёлым шторам, схватил их и резким движением задёрнул, погружая кабинет в полумрак. Воздух, ещё недавно пахнувший кофе и дубом, стал тяжёлым, густым.

– Госпожа Лаар, – голос адвоката звучал приглушённо, будто сквозь бархатную тьму. – Я могу быть с вами откровенным?

Мой взгляд застыл на его сжатых кулаках.

– Конечно.

– К сожалению... Вы... ничего не получите. Ни дома, ни аптек, ни лабораторий. Ничего.

Воздух в затемнённом кабинете превратился в ледяную массу. Я сжалась в кресле, впившись пальцами в кожу подлокотников. Губы сомкнулись, и я почувствовала резкий привкус меди – закусила губу до крови, чтобы не вскрикнуть. Солнечные лучи, пробивавшиеся крошечными щелями сквозь плотные шелковые шторы, резали глаза.

Ренц отвернулся, его силуэт казался чёрным и непроницаемым на фоне темноты.

– Всё имущество... ваш супруг переписал на...

Мужчина запнулся, и это промедление было хуже любого слова.

– На свою любовницу? – вырвалось у меня прежде, чем я успела сдержать дрожащий голос.

– Я не вправе рассказывать о таких... деталях, – произнёс Ренц с подчёркнутой, ледяной формальностью.

В кабинете повисло молчание. Сколько оно длилось? Минуту? Пять? Время будто спрессовалось в плотный комок. Я слышала только тиканье часов на стене и собственное неровное дыхание.

Внезапно Ренц порывисто шагнул к своему столу, заваленному папками. Он нервно провёл рукой по стопке бумаг, отодвинул несколько дел и выудил из-под них тонкую стопку листов, скреплённых небрежно воткнутой латунной булавкой.

– Как я уже сказал, – произнёс Ренц, протягивая мне бумаги, – я не вправе рассказывать о делах моего клиента, но... Думаю, вы вправе знать.

Дрожащими пальцами я приняла документы.

– Скорее всего, Корин знал о скором принятии нового закона о разделе имущества супругов, – голос Ренца вновь обрёл деловую ровность, но где-то в глубине, словно отголосок, слышалась усталая горечь. – Поэтому он заранее озаботился оформить всё “должным образом”.

В тусклом свете, пробивавшемся сквозь щель в шторах, буквы на бумаге плясали и расплывались перед глазами. Я вдохнула полной грудью, заставив зрение сфокусироваться.

Юридический язык был сух и точен. А в самом низу последней страницы, под аккуратными, бездушными строчками договора, выделялись две подписи.

Первая – размашистая, энергичная, с сильным нажимом, выводившая знакомое до боли имя: Корин Лаар.

Рядом – вторая. Мелкая, аккуратная, почти каллиграфическая, с характерным изящным завитком в конце “д”: Аделаида Лаар.

Дарственная. На неё. На его мать.

Глава 8

Чёртов сукин сын! Мерзавец! Совершенно бессовестный, расчётливый ублюдок! Он ведь всё, абсолютно всё, переписал на свою драгоценную мамочку! Каждый кирпич, каждую щепку нашего общего прошлого!

Сейчас, в этом душном кабинете, мне дико захотелось схватить эту проклятую дарственную и разорвать её. Не просто разорвать, а измельчить в бешеном порыве на крошечные, нечитаемые клочки. А потом, вернувшись в дом, что уже никогда не будет моим, запихнуть эти бумажные осколки в глотку Корину. С такой силой, чтобы он захлебнулся своей же подлостью.

Наверное, Ренц заметил, как мои пальцы судорожно сжались вокруг хрустящих листов. Бумага смялась. Я мельком увидела, как глаза адвоката расширились, а в их обычно спокойной глубине пронёсся испуг. Он явно представил, как его безупречно составленный документ превращается в мусор.

Этот миг чужого страха отрезвил меня. Я тут же разжала пальцы, стараясь расправить помятые уголки, глубоко, с усилием выдохнула, и лишь затем протянула документы обратно Герману. В каком-то смысле, он мне помог. Он вошел в положение, этот аккуратный юрист в идеальном костюме, и я не могла, просто не имела права его подставить.

– Спасибо вам, Герман, – закрыв глаза, я заставила себя успокоиться.

У меня не было ни сил, ни времени, ни права устраивать здесь истерику. Её нужно было устраивать тогда, дома, когда Корин, с наглым спокойствием, привёз эту... эту милостивую стерву! А сейчас... Сейчас уже поздно. Поздно кричать, поздно рвать на себе волосы. Оставалось только глотать горькую пилюлю правды.

– Простите, – я посмотрела Ренцу в глаза. – Но... разве мужу не требовалось моё согласие? Хотя бы формальное? Хотя бы для приличия?

– К сожалению, с учётом структуры владения активами, согласие супруги не является обязательным. Это абсолютно законно.

– Очень жаль, – выдавила я.

– Поверьте, мне тоже, – произнёс Ренц искренне.

– Благодарю вас, – ещё раз механически поблагодарила я, цепляясь за формальности как за спасательный круг. – Но... у меня остался вопрос. Наши сбережения. Те, что были на счетах. Корин... он не мог переписать их на мать.

Герман Ренц молча кивнул, без лишних слов вернулся к папкам на столе, и через мгновение достал ещё несколько отпечатанных листов.

– Обычно такие документы хранятся в сейфах дома, но ваш муж предпочитает, чтобы все финансовые и юридические документы хранились в одном месте.

– Очень удобно, – съехидничала я.

Ехидство – единственное, что у меня осталось. Сарказм был горьким щитом против нарастающей паники.

Если дарственная представляла собой сухой лес юридических терминов и безликих формулировок, то банковские выписки, которые Ренц протянул мне, были испещрены колонками безжалостных цифр. Даты, суммы, номера счетов – холодная хроника предательства. Корин... он действительно обо всём подумал.

Я никогда не недооценивала острый ум и предпринимательскую жилку своего мужа, его умение просчитывать ходы на несколько шагов вперёд. Но масштаб этого... этого методичного опустошения наших счетов был слишком велик даже для него. Цифры сливались перед глазами, образуя устрашающую картину: Корин не просто снимал деньги – он делал это постепенно, систематически, месяц за месяцем, словно выкачивал кровь по капле. Суммы были

значительными, но не запредельными, выбранными так, чтобы не вызывать немедленных подозрений.

“Куда?” – застучало в висках. – “Куда он мог потратить такие деньги?”

На свою баронессу? Накупил ей украшений? Подкупил её отца дорогими подарками? Или, может, вырыл яму где-нибудь в лесу и сложил все деньги туда, как какой-нибудь плешивый дракон? Хотя нет, конечно... Корин не был драконом...

Он вырыл яму как обычный смертный маг – со страхом и трепетом, озираясь по сторонам и вздрагивая от каждого хруста ветки. Потом засыпал её землёй, замаскировал листьями и мхом, отметил место замысловатой системой зарубок на деревьях, которую на следующий день благополучно забыл! Лживый, жалкий выродок!

Представляя всё это, я невольно рассмеялась. Герман Ренц что-то буркнул, забрал бумаги из моих рук и быстренько ретировался к двери.

– Софи! – крикнул он. – Принеси, пожалуйста, графин с прохладной водой. – Ренц сделал паузу, и я отчётливо почувствовала на своей спине, тяжесть его задумчивого взгляда. – А, впрочем... принеси бренди. Старый, из углового шкафа. И два бокала.

Я почти не обращала внимания ни на адвоката, ни на влетевшую в кабинет секретаршу, которая, словно перепуганная птичка, мельтешила у стола. Мир сузился до одной точки.

– Выпейте.

Голос Ренца донёсся сквозь туман в голове, и почти сразу же перед моим лицом возник бокал. На его толстом, прохладном стекле я смутно различила мелкие капельки конденсата. В нос ударил резкий, терпкий, но безусловно благородный аромат выдержанного алкоголя.

– Полегчает.

Я молча протянула руку и залпом осушила его. В горле вспыхнул огненный вихрь. Я невольно поморщилась, сжав веки. Через мгновение тяжесть в груди действительно чуть отступила, сменившись тёплой, разливающейся по телу волной. Чувства притупились, мысли замедлили свой безумный хоровод. Но я знала – это лишь временный эффект. Подарок дорогого яда. Иллюзия покоя.

Ренц тем временем тихо чокнулся краем своего бокала о край моего – пустого – и осушил свой одним точным движением. Глоток прозвучал неожиданно громко в тишине.

– Мне, наверное... лучше уйти, – хрипло произнесла я.

– День только начался, – спокойно проговорил Ренц, отставляя бокал. – Вы ещё успеете в администрацию. Бракоразводные прошения рассматривают до обеда.

Я кивнула. Встала и на негнущихся ногах прошлёпала к выходу.

– Ещё раз... – уже у самой двери обернулась, опершись рукой о косяк для равновесия. – Большое спасибо. За... всё.

– Жаль, что я так и не смог вам ничем помочь.

– О нет, – я покачала головой. – Вы помогли...

“По крайней мере, теперь я знаю, чего ждать от этого цирка уродов” – закончила я мысленно и, кивнув Ренцу на прощание, вышла.

Секретарша в приёмной проводила меня долгим молчаливым взглядом.

Выйдя на улицу, я словно шагнула в печь. Солнце уже стояло высоко в безоблачном небе цвета выпветшей бирюзы. От утренней, едва уловимой прохлады не осталось и следа. Улицы тяжело вздыхали от летнего зноя. Воздух дрожал над раскалённой брусчаткой, густой, как парное молоко. Даже сочная зелень каштанов и лип на бульваре, была бессильна перед этой духотой.

Местная детвора, радостная и беззаботная, давно оккупировала все деревянные скамейки у фонтанов. Они плескались в их прохладных, искрящихся на солнце струях, разбрызгивая капли во все стороны и визжа от восторга. А те, кто мог себе позволить – важные господа и

разодетые дамы – неспешно прогуливались по тенистым аллеям, сжимая в ладонях небольшие, искусно огранённые камни охлаждения, от которых веяло слабым, но спасительным холодком.

У меня не было охлаждающего артефакта. Я укрывалась от палящего солнца в тени зданий, двигаясь вдоль стен, словно вор. Алкоголь, выпитый в кабинете Ренца, уже начал испаряться, и боль, смешанная с жарой снова, обрушилась на меня со всей своей беспощадностью.

Администрация располагалась в самом центре городской площади – высокое здание из светлого камня с колоннами и широкой лестницей. Я поднялась по ступеням и нырнула в прохладу просторного холла.

Здесь было тихо и пусто – только скрип пера секретаря да приглушённые голоса из-за закрытых дверей. Я остановилась перед столом регистратора – пожилой женщины с седыми волосами, стянутыми в пучок.

– Чем могу помочь? – она подняла на меня усталые глаза.

– Я хотела бы подать прошение о разводе.

Регистратор окинула меня внимательным взглядом, задержавшись на измученном лице и простом платье. В её глазах не было ни осуждения, ни сочувствия – только профессиональное бесстрашие человека, повидавшего слишком много чужого горя.

– Третья дверь направо, – сказала она. – Подойдите к мастеру Кронгу. Он занимается семейными делами.

Я поблагодарила её и направилась по длинному коридору.

Мастер Кронг оказался низеньким, круглым человечком с редкими волосами. Он быстро заполнил нужные бумаги, задавая короткие, деловые вопросы:

– Причина?

– Измена, – я произнесла это слово, глядя прямо в его маленькие острые глазки.

– Имущественные претензии?

– Нет, – горько усмехнулась. – Никаких.

Мастер Кронг бросил на меня быстрый взгляд, но тут же вернулся к своим бумагам.

– Подпишите здесь и здесь, – мужчина протянул мне перо.

Я взяла его в руку. Перо показалось мне неожиданно тяжёлым.

Одна подпись – и вся моя прежняя жизнь будет перечёркнута. Одна подпись – и я больше не жена.

Чернила оставили на бумаге тёмный след. Мастер Кронг присыпал подпись специальным составом, стряхнул излишки и запечатал документ.

– Ваш муж получит официальное уведомление не позднее завтрашнего полудня, – сказал он, складывая бумаги в папку из тонкой телячьей кожи. – Если он не оспорит развод в течение сорока восьми часов, решение будет принято и вступит в законную силу в течение трёх рабочих дней. Вы можете получить свидетельство на следующей неделе, после полудня, в этом же кабинете.

Когда я вышла из здания администрации, солнце встретило меня новым ударом жара. Я прищурилась. Сейчас все мои мысли были только о возвращении в гостиницу – прохладный номер и возможность просто лечь и закрыть глаза казались сейчас величайшим блаженством.

“Серебряный Тополь” встретил меня тишиной и долгожданным легким холодком. Я прошла мимо стойки, не глядя на хозяина, и уже поднялась на первую ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж, когда услышала за спиной резкий окрик:

– Госпожа!

Я обернулась. Хозяин гостиницы стоял, скрестив руки на груди. Его лицо было хмурым, почти сердитым.

– В вашей комнате вас ждёт посетитель.

Моё сердце упало в бездну. Воздух застрял в лёгких, отказавшись выходить.

– Кто? – спросила я хриплым шёпотом, хотя уже знала ответ.

– Ваш муж, – в голосе хозяина гостинцы звучало явное неодобрение. – Я должен предупредить вас, госпожа, что не потерплю никаких скандалов! Никаких выяснений отношений, от которых будут страдать другие постояльцы!

Я молча кивнула, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Корин здесь...

Глава 9

Он нашел меня! Конечно же, нашел – как я могла рассчитывать на иное? Город маленький. Тут даже тараканам не скрыться, что уж говорить обо мне.

Но что ему нужно? В какую новую порцию дерьма Корин собирается окунуть меня на этот раз?

Я на мгновение закрыла глаза. Сделала глубокий вдох – воздух показался вязким, пропитанным запахом старой древесины. Затем медленный, контролируемый выдох. После чего заставила себя двинуться к своему номеру.

На втором этаже мелькнули перепуганные лица постояльцев. Одна пожилая женщина в выцветшей кружевной накидке инстинктивно прижала к груди потертый кожаный кошелек, будто я собиралась его отнять. Другая – испуганно отвела взгляд.

Неужели Корин успел устроить спектакль? Решил разыграть роль оскорбленного мужа перед публикой?

Рука непроизвольно дрогнула, когда я коснулась холодной латунной ручки. Стиснув зубы до боли в челюстях, повернула ее и решительно переступила порог.

Корин стоял у единственного окна, спиной ко мне. Он был похож на терпеливого коршуна, высматривающего добычу с высокой скалы. Широкие плечи под дорогим сюртуком напряженно вздымались в такт его дыханию.

Когда дверь захлопнулась за моей спиной, он медленно обернулся.

Его лицо... Что с ним стало! Это была не ухоженная маска преуспевающего предпринимателя, которую он носил в обществе, а что-то смятое, болезненно искаженное. Будто кто-то грубо скомкал дорогой пергамент и попытался расправить его обратно.

Напряжение сковало его черты, застыв в морщинах, которые глубоко прорезали обычно гладкий лоб. Я вдруг заметила резкие складки в уголках губ – раньше я не видела их такими отчётливыми. Теперь они придавали ему суровый, озлобленный вид, словно передо мной был незнакомый, уставший от жизни старик.

– Вернулась, – прошипел Корин.

– Что тебе нужно? – голос прозвучал тише и неувереннее, чем я хотела. Проклятие! – Мы вчера все обсудили. Ты должен радоваться, что я не буду мешать вашему счастью...

– Не ушла, а сбежала! Сбежала, как последняя воровка!

– Воровка? – я искренне не поняла своего мужа.

Он хочет забрать подарки? Платья, украшения, последние деньги? Решил ободрать меня до нитки? Это было бы в его стиле – добить поверженного противника окончательно.

– Ты забрала то, что принадлежит мне! – Корин начал нервно метаться по тесной комнате. – Ты не имела права!

– Речь об украшениях?

– В пекло украшения! – рявкнул Корин. – Рецепты! Я знаю, ты забрала их. Блокноты!

Ах, вот оно что!

Внезапно ситуация стала откровенно забавной. Корин примчался за моими формулами. Но зачем? У него целая армия алхимиков и зельеваров на зарплате.

– Мои рецепты – моя собственность, Корин, – холодно сказала я, подняв подбородок.

– Не смейся меня! – Корин стремительно подошел ближе, нависая надо мной своей тушей, его лицо исказилось от неприкрытой ярости. – Все формулы, все рецепты... По закону принадлежат моей аптекарской сети!

Я не сдержалась и разразилась смехом – громким, почти истерическим, граничащим с безумием.

– Боюсь, ты что-то путаешь, милый!

Корин на мгновение застыл, точно пораженный моей наглостью, а затем резко метнулся к потертому саквояжу, небрежно стоявшему у железной кровати. Одним грубым движением он опрокинул его вверх дном, безжалостно разбрасывая мои немногочисленные вещи по всей комнате – платья, нижнее белье, скромные украшения. Все полетело на пол, точно мусор.

– Где они? – рычал он, не стесняясь топтать мои вещи.

Я стояла, парализованная шоком от его беспредельной бесцеремонности. Когда Корин наконец извлек из самой глубины саквояжа стопку потрепанных кожаных блокнотов, его глаза загорелись нездоровым, алчным блеском – как у алкоголика, увидевшего бутылку после долгого воздержания.

Опомнившись от ступора, я отчаянно кинулась к мужчине:

– Они не твои! Отдай немедленно!

Корин попытался протиснуться мимо меня к двери, но я преградила ему путь. В его налитых кровью глазах мелькнуло что-то темное, по-животному опасное.

Не произнеся ни слова, он резко оттолкнул меня с такой силой, что я отлетела к противоположной стене и с размаху ударилась головой о выступающий угол деревянной обшивки.

Оглушительный звон в ушах. Пронзительная боль. Я инстинктивно дотронулась дрожащими пальцами до пульсирующего виска и увидела ярко-алую кровь.

Комната закружилась, стены плыли, как в дурном сне, но я заставила себя подняться. Покачиваясь, двинулась вслед за Корином, который уже торжествующе выскочил в коридор.

В просторном холле первого этажа нас поджидал весьма неожиданный сюрприз – двое представителей местной полиции в темно-синей форме с начищенными до зеркального блеска пуговицами. Вероятно, их поспешно вызвал встревоженный хозяин гостиницы.

– Что здесь происходит? – строго спросил старший из стражей порядка.

– Вы явились как раз вовремя, уважаемые офицеры, – мгновенно переменялся в лице Корин, становясь воплощением оскорбленной добродетели. – Эта женщина – моя, к сожалению, еще законная жена – бессовестно похитила важнейшие коммерческие документы, являющиеся исключительной собственностью моей аптекарской сети. Прошу принять меры!

– Это ложь! – я подошла ближе, чувствуя, как тёплая кровь медленно стекает по виску. Металлический привкус проник в рот, смешавшись с горечью от несправедливости происходящего. – Эти блокноты – мои личные записи!

Младший из полицейских заметил мою рану:

– Мадам, вы ранены...

– Жена ударилась, когда пыталась помешать мне вернуть мою собственность, – быстро вставил Корин, не моргнув глазом.

– Он толкнул меня! – возмутилась я. – Ворвался в номер, разбросал вещи и украл мои блокноты!

Полицейские переглянулись.

– Похоже, здесь требуется разбирательство, – сказал старший. – Господин, вы можете доказать, что эти документы принадлежат именно вам?

– Разумеется, – самодовольно ухмыльнулся Корин. – Адвокат подтвердит, что все разработанные формулы принадлежат моему делу. У меня есть соответствующие документы.

Корин обернулся, смакуя момент. Его глаза сверкали наглой уверенностью и злорадством. В этом взгляде читалось: "Думала, что сможешь меня переиграть? Ты забыла, с кем имеешь дело".

Я едва сдержалась, чтобы не плюнуть в это самодовольное лицо, чтобы не стереть противную ухмылку собственными руками.

– Хорошо, – кивнул полицейский. – Давайте проясним. Отправимся к вашему адвокату и разберёмся.

Мы странной процессией двинулись по улицам города: впереди шёл Корин с полицейскими, изображая из себя пострадавшую сторону, сзади плелась я, прижимая к пульсирующему виску чистый, белый платок, который мне молча протянул младший офицер.

Полуденное солнце безжалостно жгло непокрытую голову, заставляя щуриться и морщиться от боли. От потери крови и удушающей жары меня немного пошатывало, мир время от времени плыл перед глазами, но я упрямо шла вперёд, стиснув зубы и не желая показывать этому подлецу ни малейшей слабости.

Прохожие останавливались и оборачивались вслед, некоторые даже специально переходили на нашу сторону улицы, чтобы получше разглядеть необычное зрелище. Ещё бы! Ведь это настоящее представление: известный владелец крупной аптекарской сети в сопровождении двух полицейских ведёт свою окровавленную, растрёпанную жену куда-то посреди белого дня!

Я заметила, как одна дама средних лет в изысканном голубом платье, резко остановилась, поднесла руку в кружевной перчатке ко рту и что-то испуганно прошептала своей спутнице. Та мгновенно ахнула, покачала головой и бросила на меня взгляд, полный такого неподдельного ужаса, что мне захотелось провалиться сквозь булыжники прямо в преисподнюю.

Шёпот и пересуды следовали за нами по пятам: “Смотри, это же жена Лаара!”, “Боги, что с ней случилось?”, “Говорят, у них в семье не всё ладно...”. Каждое слово резало слух острее ножа.

Наконец мы подошли к конторе Ренца. Секретарша Софи вскочила со своего места, когда наша процессия ворвалась в приёмную.

– Господин Лаар! – девушка побледнела, увидев полицейских, а затем заметила меня и окровавленный висок. – Что случилось?

– Где Ренц? – отрывисто спросил Корин.

– Он... он....

– Это срочно! – перебил её Корин. – Позовите его немедленно!

Через минуту мы стояли в кабинете. Выражение лица Ренца, когда он увидел нас, было достойно запечатления на холсте. Шок, замешательство, тревога и, наконец, профессиональная маска спокойствия – всё это промелькнуло на его лице за доли секунды.

– Ренц, – начал Корин безапелляционно, – объясните этим господам, что все формулы и рецепты, являются собственностью моей компании.

Ренц на мгновение задумался, а затем взял в руки один из блокнотов и медленно пролистал его.

– Действительно, – начал адвокат осторожно, – согласно внутренним правилам, всё, что создаётся работниками компании “Лаар” в рабочее время и с использованием её ресурсов, является интеллектуальной собственностью компании.

Корин победно усмехнулся и выпрямился во весь рост, предвкушая триумф.

– Но, – продолжил Ренц, и его голос стал твёрже, – госпожа Лаар никогда не подписывала с вами трудовой договор. Она не числится в штате.

Улыбка тут же сползла с лица Корина, точно её стёрли влажной тряпкой.

– Не говори ерунды, Ренц! Она моя жена! Всё, что она делает, принадлежит мне!

– Боюсь, что закон так не работает, господин Лаар, – спокойно возразил Ренц. – Да, госпожа Лаар – ваша жена, но это не делает её вашей собственностью или работником вашей компании.

Старший полицейский прокашлялся:

– Господин Ренц, могу я уточнить: вы утверждаете, что блокноты и содержащиеся в них формулы принадлежат госпоже Лаар?

– Да, это так, – твёрдо ответил Герман. – Если только господин Лаар не может предоставить документ, где его жена явно передаёт права на свою интеллектуальную собственность.

Корин стоял посреди кабинета, медленно сжимая и разжимая кулаки. Я видела, как на его виске вздулась и бешено застучала вена, а на лбу выступили капельки пота.

– Ты пожалеешь об этом, Ренц, – процедил он сквозь зубы.

Герман Ренц невозмутимо кивнул:

– Мне искренне жаль, что я не могу быть более полезным в данном вопросе, господин Лаар.

Полицейский повернулся к Корину:

– В таком случае, господин Лаар, вам придётся вернуть блокноты их законной владелице.

– Нет! – Корин схватил блокноты и прижал их к груди. – Это моё! Это всё моё!

– Господин Лаар, – голос полицейского стал жёстче, – не заставляйте нас применять силу.

Корин лихорадочно обвёл взглядом кабинет – от строгого лица Ренца до моих испуганных глаз, от молчаливых полицейских до тёмного дерева книжных шкафов – отчаянно ища хоть каплю поддержки, но встретил лишь холодные, отстранённые и осуждающие взгляды.

Внезапно его тело содрогнулось, и он разразился смехом, от которого у меня по спине побежали мурашки.

– Хорошо, прекрасно! – Корин резко, с ненавистью швырнул блокноты на полированную столешницу. – Берите! Но ты, – Корин повернулся ко мне, – не думай, что мы закончили.

Муж резко развернулся и стремительно направился к двери, но внезапно остановился на самом пороге, обернувшись через плечо:

– А что касается тебя, Ренц – ядовито бросил он, – я более не нуждаюсь в твоих услугах. Ты уволен!

Дверь захлопнулась. Звук перерубил последнюю нить напряжения, державшую меня. Мир качнулся, зрение подёрнулось серой пеленой, а ноги, лишившись опоры, превратились в безвольный студень. Я рухнула в ближайшее кресло.

Я победила.

Эта мысль билась в пульсирующем виске вместе с тупой, ноющей болью. Я смотрела на свои блокноты, сиротливо лежащие на столешнице... Я их отстояла. Я их вернула. Но внутри, вместо триумфального гимна звенела оглушающая пустота, а на языке остался горький привкус пожарища, где сгорело что-то безвозвратно важное.

Цена. Вот что отравляло эту выстраданную победу.

Мой взгляд метнулся к Герману Ренцу. Он стоял у окна, спиной к нам, и смотрел на улицу, куда только что умчался, возможно, его самый прибыльный клиент.

– Мадам, – официальный, но не лишённый участия тон главного полицейского вырвал меня из оцепенения. – Вы в порядке?

– Да... да, всё хорошо, спасибо.

– Я настоятельно рекомендую вам написать заявление. Прямо сейчас.

– Заявление? – сквозь вату в ушах я не сразу разобрала смысл.

– Ваш муж вас ударил, – напомнил он мне.

Я инстинктивно коснулась виска кончиками пальцев. Вспышка боли. Липкая теплота медленно стекающей крови. Пульсирующий ад под кожей. Всё это вдруг навалилось снова, но казалось таким мелким, таким ничтожным на фоне главной битвы, что я почти успела об этом забыть.

Полицейский терпеливо смотрел на меня, ожидая ответа.

Писать заявление? Объяснять, доказывать? Терпеть перешёптывания за спиной, сочувствующие взгляды, в которых всегда сквозит толика осуждения?

Внутри что-то треском оборвалось. Я больше ничего не хотела. Ни борьбы. Ни справедливости. Ни даже мести. Я просто устала. Устала до смертного предела, до желания свернуться в комочек и исчезнуть.

– Нет, – я медленно покачала головой, и это простое движение высекло из виска сноп искр. – Спасибо. Я не буду ничего писать.

– Мадам, вы уверены?

– Я уверена. Всё кончено. Просто... давайте обо всём забудем, – мой голос был пуст и глух.

Полицейский пожал плечами, обменялся многозначительным взглядом с напарником, застывшим у двери. Видимо, они видели и не такое.

– Как скажете, мадам. Всего доброго. Господин Ренц.

Удаляющийся стук их ботинок в приёмной был единственным звуком, который я смогла услышать.

Я подняла глаза на Германа Ренца. Он медленно обернулся. На его лице не было ни упрёка, ни злости, ни даже сожаления. Только крайняя степень усталости... как и у меня.

– Простите, Герман, – просипела я. – Из-за меня вы потеряли...

Он прервал меня едва заметным движением руки.

– Вам лучше уехать, и чем скорее, тем лучше. Скажите, у вас есть место, где можно остановиться?

– Да... – выдавил я из себя. – Есть одно место. Всего одно.

Глава 10

Ренц вызвал доктора. И пока врач осматривал мой висок и накладывал заклинание, чтобы остановить кровь, меня сжигало изнутри едкое чувство стыда. Герман Ренц... Я доставила ему столько хлопот. И не просто хлопот – из-за меня он лишился работы. Вернее, главного клиента, что в условиях нашего городка было равносильно профессиональной смерти.

Он, конечно же, уверял, что всё это пустяки, что ничего фатального не произошло и на место одного клиента непременно придут другие. Но... Я ему не верила. Такие клиенты, как Корин на дороге не валяются.

– Спасибо вам, Герман.

Благодарность. Беспольный пепел, который я могла ему предложить. Единственное, что у меня было. Вот только этим пеплом не накормишь голодных детей, которых у Ренца, насколько я знала, было трое.

Внезапно перед глазами встала ужасающая картина: трое ребятишек и их мать, смотрящие на меня с немой укоризной.

Они возненавидят меня. Непременно возненавидят.

– Всего вам доброго, мадам... – мужчина на мгновение запнулся, и в этой паузе было всё: и нежелание произносить фамилию Корина, и деликатная попытка побережть мои истерзанные чувства. – Этери, – мягко закончил адвокат. – Искренне надеюсь, что всё у вас сложится хорошо.

Я смогла лишь молча кивнуть и, как во сне, вышла из кабинета на улицу.

Меня встретил тот же город. Раскалённая сковородка, не иначе. А густой, тягучий, как мёд, воздух, пропитанный приторно-сладким ароматом цветущих лип, казалось, можно было резать ножом...

Блокноты, моё единственное сокровище, я прижимала к груди.

Пока я шла к гостинице, то постоянно, как безумная озираясь по сторонам. Казалось, что Корин может налететь на меня как коршун и вновь попробовать отобрать формулы. В какой-то момент я почти физически ощутила на себе чей-то взгляд, точно укол в затылок.

Я резко обернулась, лихорадочно обшаривая глазами прохожих, фасады домов, тёмные арки, но не увидела ничего подозрительного.

Возможно, это всего лишь побочный эффект обезболивающей настойки, которой меня щедро угостил доктор. В составе её был борец, или аконит, как его именуют в народе. Если хоть немного ошибиться с дозировкой, яд начинает играть с разумом, вызывая такие яркие и причудливые галлюцинации, что любой художник продал бы за них душу.

Кажется, мой калейдоскоп кошмаров уже начал свою работу, превращая реальность в зыбкое, враждебное море.

Ренц прав. Нужно уезжать. Сегодня же. Нет. Сейчас же!

Дойдя до гостиницы и, незаметно прошмыгнув мимо её хозяина, поднялась по лестнице. В комнате царил беспорядок, устроенный Корином. Вещи были разбросаны по всему полу – жалкое зрелище.

Я опустилась на колени и начала собирать разбросанное. Когда всё было уложено, с усилием защёлкнула замки саквояжа. Сейчас он показался мне ещё более потрепанным и усталым – точь-в-точь как его хозяйка.

Спустившись на первый этаж, подошла к стойке.

– Я выселяюсь.

Хозяин поднял голову, и его лицо нахмурилось. Я вся напряглась, ожидая неминуемой бури. Сейчас он потребует дополнительной платы за причинённые неудобства, за скандал, за

беспокойство других постояльцев... Но мужчина только тяжело вздохнул. Он молча открыл гостевую книгу, что-то чиркнул в ней пером, а затем развернул ко мне.

– Подпишите здесь, – сказал хозяин гостиницы, протягивая мне перо.

Рука дрогнула, когда я поставила подпись рядом со своим именем. Чернила растеклись немного больше, чем нужно, образовав маленькое пятно – последнее напоминание о том, что даже здесь я оставила после себя беспорядок.

– Всего доброго, – произнёс хозяин без особого энтузиазма.

Я кивнула и покинула гостиницу. Теперь уже навсегда. Но у меня оставалось ещё одно, последнее важное дело.

Дойдя до центра города и, поднявшись по широким, выщербленным ступеням, вошла в здание администрации. Знакомый коридор привёл меня к кабинету мастера Кронга. Постучав и услышав резкое “Войдите!”, переступила порог.

Мастер Кронг поднял на меня глаза и, узнав, чуть приподнял брови.

– Это снова вы. Чем могу помочь на этот раз?

– Я покидаю город, – сказала я. – Хотела оставить адрес для отправки свидетельства о разводе.

Кронг молча кивнул и с деловитым видом извлёк из ящика стола папку.

– Диктуйте, – сказал он, обмакнув перо в чернильницу.

Я назвала адрес.

– Где же это? – удивлённо поинтересовался мужчина.

– В Серебряной долине.

– Так вы готовы променять наш цветущий край на... – Кронг осёкся, поняв свою бестактность.

– Там мой дом, – ответила без колебаний.

Чиновник поджал губы, сделал последнюю отметку в бумагах и с недовольным хмыканьем убрал папку в сторону.

– Свидетельство будет отправлено в течение недели после вступления развода в силу. Однако... – Кронг задумчиво постучал пальцем по подбородку. – Порталы, даже административные в вашей Долине то и дело барахлят. Почта теряется. Так что, если не получите документы в указанный срок, обратитесь в местную администрацию.

– Я вас поняла. Благодарю, – я развернулась, чтобы уйти, но остановилась у самой двери. – Мастер Кронг?

– Да?

– Если мой муж... бывший муж... будет спрашивать, куда я отправилась...

Кронг понимающе кивнул:

– Мадам, эта информация конфиденциальна.

Разумеется, Корин знал и о Серебряной долине, и о доме. Мы всё-таки жили там какое-то время после свадьбы. Но мне хотелось верить, что он никогда больше туда не сунется. Слишком дурные воспоминания. Даже для него...

К тому моменту, как я дошла до вокзала, солнце уже начало клониться к горизонту. Воздух стал чуть прохладнее, но всё ещё оставался душным и тяжёлым.

Мысли путались. Серебряная долина... Я не была там почти три года. После того случая Корин настоял на переезде, и я, как всегда, подчинилась.

Когда просторная площадь вокзала открылась моему взору, замедлила шаг. Здание из светлого камня возвышалось в центре, его купол сиял в лучах заходящего солнца. Люди сновали туда-сюда с котомками, сумками и чемоданами. Массивная металлическая вывеска “Магический порт” отбрасывала длинную тень.

Я остановилась, глядя на мерцающие символами арки. За ними – другие города, другие судьбы. Мне и самой нужна была другая жизнь, чтобы, наконец, отмыться от той грязи, в которой я так безнадежно измазалась.

Оказавшись у кассы, я положила на прилавок свой кошелек.

– Один билет до Серебряной долины, пожалуйста.

Служащий, поднял на меня взгляд и покачал головой:

– Прямого портала нет. Придется сделать пересадку в Рябиновом Кресте.

– Хорошо, – кивнула я, доставая монеты.

– Мы предупреждаем всех пассажиров, – продолжил он, – порталы в Серебряную долину работают с перебоями. Может быть задержка.

– Я знаю, – ответила я. – Сколько с меня?

Он назвал сумму, от которой у меня внутри всё сжалось. Но выбора не было. Я отсчитала монеты и положила их на прилавок.

Мне выдали два билета – тонкие пластинки из зачарованного металла с выгравированными символами.

– Восьмой портал на Рябиновый Крест, отправление через двадцать минут. В Кресте вам нужен будет второй восточный терминал, портал на Серебряную долину.

Я поблагодарила его и отошла в сторону. Двадцать минут. Достаточно, чтобы собраться с мыслями, но слишком много, чтобы не нервничать.

Люди вокруг меня сустились, обнимались на прощание, выкрикивали последние наставления. Я же стояла одна, отрешенно глядя на играющие разноцветные символы над арками порталов.

Наконец, над восьмой аркой вспыхнул зелёный свет – сигнал к началу посадки. Я подошла к очереди и встала в конец, сжимая в одной руке саквояж, а в другой – билет.

Когда подошел мой черед, служащий у портала взял билет, провёл над ним рукой и кивнул:

– Проходите.

Вблизи арка выглядела ещё более внушительно – руны пульсировали по краям как живые.

Когда я шагнула в переход тело словно ухнуло вниз, а желудок наоборот подскочил к самому горлу. Абсолютная темнота окружила меня, и на мгновение показалось, что я растворяюсь в ней. Но через несколько секунд вновь почувствовала под ногами твёрдую землю.

Рябиновый Крест встретил меня шумом и суетой. Портальная станция здесь была гораздо больше, чем в нашем городке – высокие своды, мраморные колонны, десятки арок, выстроенных полукругом. Повсюду сновали люди: торговцы, путешественники, студенты магических академий в мантиях с эмблемами факультетов.

Я сверилась с билетом и направилась к восточному терминалу. Голова слегка кружилась после портала, но я все равно шла быстро.

Восточный терминал оказался в дальнем крыле здания. По мере продвижения туда, толпа редела, и вскоре я оказалась в почти пустом коридоре с несколькими арками. Над одной из них висела деревянная табличка с надписью “Серебряная долина”.

У портала стоял только один служащий – молодой парень с веснушчатым лицом. Увидев меня, он оживился, явно обрадованный появлением хоть кого-то в этом пустынном месте.

– Добрый вечер, мадам! – поприветствовал он меня. – Направляетесь в Серебряную долину?

– Да, – я протянула ему билет.

Пальцы служащего накрыли металлический прямоугольник.

– Надеюсь, вас не забыли предупредить?

– Что портал работает с перебоями? Я в курсе.

– Эти энергетические бури с рудников... – парень замялся, словно ему было неловко сообщать плохие новости, к которым он не имел отношения. – Есть вероятность небольшой задержки на той стороне.

– Что значит “задержка”?

– Ничего страшного, – поспешил успокоить меня работник вокзала. – Просто иногда перемещение занимает больше времени, чем обычно. Вместо мгновенного перехода вы можете провести в порталном коридоре от нескольких минут до получаса. Но это абсолютно безопасно, просто... неприятно.

Неприятно. Что ж, последние дни моей жизни тоже были весьма “неприятными”, так что это вряд ли меня испугает.

– Я согласна на любые условия, – твёрдо сказала я.

Парень кивнул, провёл ладонью над моим билетом и вернул его мне.

– Тогда прошу вас.

Я сделала глубокий вдох и шагнула в портал.

На этот раз ощущения были иными. Вместо обычного мгновенного перехода я оказалась в странном пространстве – ни свет, ни тьма, а что-то среднее. Словно туман, сотканный из серебристых нитей, окутывал меня со всех сторон. Тело потеряло вес, и я парила в этой странной субстанции, не чувствуя ни холода, ни тепла. Время перестало существовать – не было ни прошлого, ни будущего, только бесконечное настоящее.

Где-то вдалеке мерцали странные огоньки. Они пульсировали в каком-то непостижимом ритме, гипнотизируя и завораживая. Я попыталась заговорить, но звук просто растворился в этом пространстве, не оставив ни эха, ни отклика.

Задержка... Что ж, теперь я понимала, что служащий имел в виду. Это было похоже на застревание между мирами – ни здесь, ни там. Как будто сама ткань реальности замедлилась и растянулась.

Я не знала, сколько прошло времени – минуты или часы, когда туман начал сгущаться. Давление нарастало, и внезапно меня как будто выбросило из этой межпространственной ловушки.

Яркий свет ударил в глаза, и я инстинктивно закрыла лицо руками. Когда зрение адаптировалось, обнаружила себя стоящей на каменной платформе в небольшом порталном зале. Гораздо меньшем, чем в Рябиновом Кресте – всего три арки, полукругом расположенные вдоль дальней стены. Потолок поддерживали деревянные балки, на каменных стенах висели тусклые светильники, наполненные мерцающим магическим светом.

В отличие от шумных и многолюдных вокзалов, которые я покинула, здесь было практически пусто. Только пожилая смотрительница дремала за стойкой в углу, да пара местных жителей сидели на скамье у выхода, видимо, ожидая кого-то из прибывающих.

Город встретил меня мелкой, назойливой моросью и въедливым запахом алхимических реактивов. Да, я определённо была дома.

Серебрянная долина... Казалось, она ничуть не изменилась. Её вечно хмурый, неприветливый вокзал – тому прямое доказательство.

Город, закованный в камень и стекло, где вместо буйной южной зелени – лишь мокрый асфальт и холодные витрины. Здесь не встретишь расслабленных, улыбающихся лиц. Прохожие спешили по своим делам, хмурые и сосредоточенные, будто каждый из них вынашивал в голове какой-то тайный замысел. Город алхимиков. Город артефакторов и ювелиров, где у каждого своя тайна.

Я вышла с вокзала и, поёжившись, двинулась по широкому проспекту. После удушающей южной жары здешний влажный воздух казался настоящим спасением. Дышалось свободно, но это было единственным облегчением. С каждым шагом по мокрому граниту я чувствовала, как

промозглая сырость пробирается под тонкое платье, но физический дискомфорт был ничем по сравнению с внутренним.

Всё здесь казалось чужим, неправильным. Серые фасады давили, а отражения в стеклянных витринах выглядели искажёнными и враждебными.

Я всем сердцем полюбила юг. Его знойное солнце, запах раскалённых каштанов и лип. Полюбила его яркие краски и неспешный ритм жизни.

Там я чувствовала себя живой. И даже то, что случилось, не смогло вытравить эту любовь. Боль, страх, предательство – всё это было. Но оно не перечеркнуло того света и тепла. Будь у меня хоть малейший выбор, я бы никогда не покинула те края. Но судьба распорядилась иначе, вернув меня в этот холодный, серый город.

Глава 11

Улицы, по которым я шла, были настолько безупречно ровными, словно их вычертила холодная рука равнодушного к красоте архитектора. Чёткие, бескомпромиссные границы. Здесь всё, абсолютно всё, дышало неестественной, почти стерильной правильностью.

Каменные солдаты фасадов стояли в безупречном строю, а редкие деревья, высаженные вдоль мостовых, не смели нарушить эту выверенную геометрию пространства ни единой своей вольной веткой.

Эта упорядоченность служила немим напоминанием: любая ошибка, любой неверный шаг будет так же неуместен и уродлив, как сорняк на идеально подстриженном газоне.

Я свернула с главного проспекта в более узкую улицу, где здания становились ниже. Ещё один поворот, и я увидела знакомую черепичную крышу и каменную ограду. Отцовский дом. Мой дом. Тут каждый камень был пропитан воспоминаниями – и светлыми, и теми, о которых я предпочла бы забыть.

Я замерла. Сколько прошло? Три года? Да, целая вечность. Три года, за которые я пыталась построить новую жизнь.

Подняла глаза, вглядываясь в до боли родные очертания, и холодок тревоги пробежал по спине. Черепица на крыше местами потемнела и просела, а каменная ограда покрылась плешинами зеленоватого мха. Ворота... Ворота, которые отец смазывал и красил чуть ли не каждый сезон, стояли приоткрытыми. Одна створка бессильно провисла, сорванная с верхней петли, ржавчина расплзалась по ней, словно язва.

Дорожка к крыльцу, некогда выложенная аккуратными плитками, заросла сорняками, которые нагло и уверенно прогрызали себе путь в щелях. Мой взгляд метнулся в сторону сада. То, что было святилищем моего отца превратилось в дикие, непроходимые джунгли. Редкие травы и кустарники либо погибли, либо были задушены беспорядочно разросшимся бурьяном. А оранжерея... О боги! Гордость отца, его хрустальный дворец, зиял слепыми глазницами выбитых стёкол, точно мёртвый скелет.

Почему?

Воспоминание ударило наотмашь, резкое и ясное, как вспышка молнии. Наш разговор с Корином полгода назад...

После переезда он клялся, что найдёт надёжных арендаторов. Демонстративно показывал банковские выписки, где значились аккуратные суммы. Я не задавала вопросов. Верила слепо, безоговорочно. Но полгода назад, когда я робко поинтересовалась, как там дом, у меня впервые зародилось сомнение. Корин замялся, его ответ прозвучал фальшиво, скроенным наспех. Он пробубнил, что арендаторы съехали, а новых он пока не нашёл.

– Почему ты мне ничего не сказал? – вспыхнула я тогда. – Я бы сама поискала кого-нибудь. Может, мне съездить, посмотреть?

Я уже двинулась в спальню, готовая немедленно паковать чемодан, но его рука остановила меня.

– Прости, милая, – его голос стал мягким, обволакивающим. – Прости, что не сказал. Просто не хотел тебя беспокоить по пустякам. Уверяю, всё под контролем. Дом в надёжных руках моего поверенного мистера Смита. Он присмотрит за всем и непременно сообщит, когда найдёт достойных жильцов.

И я успокоилась. Поверила. Снова. Как доверчивая собачонка, которой достаточно ласкового слова хозяина. Поверила в этого мистера Смита, в его заботу, в его... ложь.

Медленно, словно ступая по минному полю, подошла к входной двери. Глубоко вдохнув, вставила ключ в замок. Он вошёл с трудом, протестующе скрежеща – механизм заржавел от долгого бездействия и влаги. Наконец, с мучительным стоном дверь поддалась.

Затхлый, спёртый воздух ударил в лицо – густой коктейль из запахов тлена, забвения и мышиного помёта. Я прикрыла нос рукавом и шагнула за порог. И застыла, поражённая увиденным.

Тотальный разгром. Абсолютное уничтожение. Повсюду лежал слой пыли – не тонкий налёт времени, а настоящие серые сугробы, поглотившие пол. Паутина свисала с потолка тяжёлыми, ветхими гирляндами, будто декорации к жуткому празднику забвения. В углах валялись обрывки бумаг и щепки от мебели, сломанной с какой-то яростной, бессмысленной жестокостью.

– Великие стихии... – прошептала я, делая неуверенный шаг вглубь дома-призрака.

Гостиная, где когда-то пахло воском и старыми книгами, где стояло уютное отцовское кресло, превратилась в пустую, гулкую коробку. Ни кресел, ни стола, ни книг – лишь голые стены с обвисшими лохмотьями обоев и уродливыми пятнами плесени.

Кухня выглядела ещё хуже: разбитая вдребезги посуда хрустела под ногами, шкафчики были выпотрошены и распахнуты настежь. Сквозь дыру в оконном стекле в комнату проникал промозглый вечерний воздух, смешиваясь с застоявшейся затхлостью.

Я поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж. Спальни были в таком же состоянии – голые каркасы кроватей, распахнутые пустые шкафы, разбросанные вещи. В моей бывшей комнате обнаружила остатки разорванных книг и разбитое зеркало.

Сердце сжалось от боли и ярости. Всё было предельно ясно. Корин лгал. Лгал с самого начала. Не было никаких арендаторов. Не было никакого мистера Смита. Он не просто лгал о деньгах. Он позволил памяти моего отца, всему, что было мне дорого, утонуть в грязи и запустении. Дом стоял заброшенным все эти три года.

– Мерзкий, лживый... – я задыхнулась, не в силах закончить фразу. Горло перехватил спазм...

А я... Что же я? Почему не приехала раньше? Почему оставила дом на растерзание времени? Чего я боялась? Призраков? Но они не могут проникнуть в ткань нашей реальности. Ответственности?

Да. Именно её.

Горькая, удушающая правда обожгла изнутри, куда сильнее ярости на Корина. Ведь его ложь была лишь почвой, а семена безразличия посеяла я сама.

Я повела себя не как хозяйка дома, не как наследница, а как капризный ребёнок. Корин предложил простое решение, удобную ширму, и я с готовностью за неё спряталась.

Было так легко поверить, что некие арендаторы, будто добрые домовые из сказки, будут смазывать петли, чистить водостоки и следить за садом. Я закрыла глаза и позволила Корину нарисовать для меня уютную картину благополучия, в то время как реальность за моей спиной гнила и обращалась в прах.

Всё это... Каждая пылинка, каждое разбитое стекло, паутина в углах. Моя вина. Моё малодушие.

По щеке скатилась слеза. Ярость на Корина никуда не делась, она всё ещё клокотала где-то на дне души, глухая и тёмная. Но к ней примешалось холодное, отрезвляющее презрение к самой себе.

Я обвела взглядом опустошённую гостиную. Этот хаос, это запустение, эта грязь... Это всё моё. Моё наследство безответственности. И теперь только мне его и разгребать.

Сжав ручки саквояжа до скрипа, поднялась в свою бывшую комнату. Оставила вещи, похлопала себя по щекам и, несмотря на усталость, принялась за работу. Пора действовать. Я не бестолковый ребёнок. Я взрослая женщина, и хватит уже утопать в жалости к себе!

Бытовая магия никогда не была моим коньком. По щелчку пальцев, к сожалению, ничего не сделаешь. Так что я, тяжело вздохнув, спустилась вниз. В кладовке нашла старую щётку.

Изрядно погрызенную, с редкой, но жёсткой щетиной. Эта щётка видела лучшие дни, но сейчас была моим единственным оружием. Рядом я нашла погнутый совок и металлическое ведро.

Слава богам, канализация и водопровод были в какой-то степени исправны. Я с усилием повернула старые, закишие краники на кухне. Сперва из крана с протестующим шипением потекла густая ржавая жижа, но после нескольких минут страданий трубы прокашлялись, и полилась нормальная, прозрачная, ледяная струя. Горячей воды в этом доме не было, даже когда я была маленькой, так что жаловаться было не на что.

Начала с малого – со своей спальни, которая должна была стать моим убежищем.

Первым делом распахнула настежь оба окна. В комнату тут же ворвался промозглый ночной воздух, который взметнул клубы пыли.

Взяв щётку, я методично, сантиметр за сантиметром, сгоняла серые барханы грязи в один угол. Затем, опустившись на колени, осторожно, чтобы не порезаться, собрала крупные осколки разбитого зеркала. Каждый мутный, покрытый пылью кусок отражал моё перепачканное, уставшее лицо, и мне казалось, будто я собираю воедино своё собственное разбитое отражение.

Собрав весь мусор, спустилась в гостиную. Здесь находился небольшой камин, которым отец любил пользоваться холодными осенними вечерами. Я сложила внутрь весь хлам – обрывки обоев, щепки, разорванные страницы книг, пыльные свёртки, найденные в спальне и, найдя в кухонном ящике кресало, разожгла огонь. Пламя неохотно лизнуло бумагу, а затем, набравшись сил, жадно набросилось на моё подношение.

Я провозилась до самого утра, хотя дом был не таким уж и большим: две спальни наверху, гостиная и кухня на первом этаже. Была ещё одна комната с панорамными окнами, где отец вёл дела.

– Здесь хорошая энергетика, – говаривал он. – Окна выходят на восток. Когда встаёт солнце, я вижу людей насквозь...

Я хмыкнула. Жаль, что он не разглядел гнилую душонку Корина.

Именно в этой комнате я и решила устроить свою лавочку. Мне нужны были деньги.

Чем я могла заняться? Вопрос, не выходящий из головы, имел простой ответ: варить зелья. Знания у меня были, их требовалось лишь освежить. Как и магию, которая из-за бездействия успела застыть, словно древесная смола... Я вытянула руку, пытаюсь собрать в воздухе солнечные пылинки, что плясали в утренних лучах. Они на миг дрогнули, сбились в крошечный вихрь и тут же бессильно рассыпались. Тяжело. Гораздо тяжелее, чем я помнила.

Неудача с пылинками оставила горький привкус разочарования. Стихийная, магия всегда требовала внутренней гармонии, а моя душа сейчас походила на взбаламученный омут.

Другое дело – руны.

Рунная магия была куда проще. Она как математика: строгие законы, чёткие формулы, предсказуемый результат. Ей не были важны мои душевные терзания.

Эта мысль принесла облегчение. Защита дома не могла ждать.

Я подошла к камину, где тлели остатки сожжённого мусора. Аккуратно, чтобы не обжечься, извлекла длинную, обугленную головешку. Она была ещё тёплой и оставляла на пальцах бархатистый чёрный след. С этим простым инструментом я направилась к входной двери.

На старом косяке можно было различить следы отцовских рун. Когда-то они ярко светились серебром, но за годы запустения потускнели, почти стёрлись, превратившись в едва заметные царапины. Их сила иссякла.

Присев на корточки у порога, провела пальцем по старым знакам, а затем, зажав головешку, как пишущее перо, начала выводить свои.

Мне нужно защитить не только себя, но и блокноты. Если нагрянет Корин... Я должна быть готова. Он не сможет застать меня врасплох. Больше нет.

Когда последняя линия была проведена, руны на мгновение вспыхнули и тут же впитались в дерево, оставив после себя глубокие чёрные шрамы. То же самое я сделала со всеми оконными откосами. Завершающим аккордом стала дверь чёрного хода.

Я отступила на шаг, облегчённо выдохнув и смахнув со лба влажную прядь.

– Ну вот... кажется, всё...

Я гордилась собой. Наверное, впервые за последние полгода. Сделала что-то по-настоящему стоящее.

Усталость в плечах и гудящие ноги намекали, что я заслужила отдых, что сейчас самое время рухнуть в кровать и проспаться до полудня. Но стоило этой мысли появиться, как под рёбрами заворочался неутомимый червячок. Уборка дома меня не истощила, наоборот, открыла во мне второе дыхание. Я чувствовала, что могу гораздо больше.

Укутавшись в шерстяную шаль, я толкнула дверь и вышла на улицу. Сад... Один его вид вгонял меня в уныние. Наглые заросли чертополоха и крапивы бесцеремонно задушили нежные, требующие трепетной заботы луноцветы и драконью мяту. Но даже в этом хаосе запустения виднелась жизнь.

Нужно было провести ревизию, понять, кто из травяных союзников сумел выстоять. Сквозь плотные ряды сорняков-захватчиков к утреннему солнцу упрямо пробивались стойкие бойцы: дикая полынь, кустики выносливого зверобоя и даже несколько пряных веточек аптечной ромашки.

В памяти всплыли слова магистра Элиаса – преподавателя травологии. Он любил повторять, постукивая костяшками пальцев по кафедре: “Запомните, даже из подорожника, что растёт у каждой канавы, можно сварить зелье, способное исцелить короля. Суть не в редкости ингредиента, а насколько сильную магию, вы вложите в него”.

Мой взгляд упёрся в оранжерею, или, вернее, в то, что от неё осталось. Сейчас она походила на скелет доисторического зверя, обглоданный временем. Большинство стёкол было выбито, рамы покосились.

Осторожно ступая, я вошла внутрь. Затхлый запах влажной земли и гниющих листьев ударил в нос. Под ногами хрустели осколки. Но сквозь весь этот хаос, в самом центре, где солнечные лучи падали беспрепятственно, буйствовала жизнь. Там, на чудом уцелевшей грядке, разросся призрачный вьюн.

Я ахнула. Его бледные, почти прозрачные листья с серебристыми прожилками, казалось, светились изнутри. Отец потратил годы, чтобы акклиматизировать это горное растение. Вьюн был невероятно требователен к составу почвы и влажности, но его сок был основой для самых сильных зелий прорицания и ментальной защиты. Я знала это не понаслышке – мои лучшие наработки, сложные формулы и тонкие рецепты, во многом основывались на том, что росло здесь, в саду отца. И сейчас... Сейчас я могла собрать те драгоценные крохи, что еще остались. Нужно лишь засучить рукава...

Взяв из сарая треснутое ведро, начала прохаживаться по саду и оранжерее, собирая в него битые осколки стекла, какие-то камни, прочий мусор, занесённый ветром и временем. Затем принялась за грядки. На сегодня ограничилась особо агрессивными сорняками. Нужно было хоть немного освободить место для полезных трав.

Работа так затянула меня в свой ритмичный танец – рывок, ещё рывок, сбросить землю с корней – что я совершенно потерялась во времени. Очнулась, лишь когда солнце, миновав зенит, устало начало клониться к закату. Что-то изменилось. Я почувствовала жгучее прикосновение к затылку. Ощущение чужого, пристального взгляда. Такое явственное, что я замерла с пучком пырея в руке.

Медленно, стараясь не делать резких движений, выпрямилась. Огляделась. Пустой сад. Покосившиеся ворота. Тёмные провалы окон соседнего, давно заброшенного дома. Никого. Ветер лениво шевелил листья на старой яблоне, да чирикала где-то в кустах пичуга. Ни единой

души. Но ощущение не проходило. Оно затаилось на периферии, невидимое, но абсолютно реальное. Кто-то определённо следил за мной...

Глава 12

– Кто здесь? – я инстинктивно приняла боевую стойку, выставив вперёд руку, сжимавшую выданный с корнем пучок сорной травы.

Картина, должно быть, выглядела до комичного глупо. Клянусь, я даже услышала в ответ короткий, язвительный смешок. Но сколько бы ни вглядывалась, я так никого и не увидела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.